

Анна
РОССИИ

БЫВШИЕ

МОЯ ПО

Договору

18+

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Анна Россиус

Бывшие. Моя по договору

<https://litres.ru/74492052>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Я могу спасти твою ферму, – говорит Демьян, пристально глядя на меня. – Покрою все убытки.

– Хорошо. Спасибо, – смиренно опускаю глаза в пол, но внутри кипит ярость.

– Но не просто так. Подпишем договор. Нарушишь условия – я разорю вашу ферму к чертям и все окрестные заодно.

Читаю пункт за пунктом. Что?!?! Большинство моих обязанностей – интимного характера! Зачем ему это?!

Он теперь владелец гигантского холдинга, а я простая фермерша.

У нас есть прошлое, которое нелегко забыть.

И общий ребенок, о котором он не подозревает.

Придётся уступить, выбора нет.

– Согласна.

Бессердечный подлец, у него ведь скоро свадьба!

Я думала, что выполню свою часть договора и забуду всё как дурной сон. Но Горенский узнал о том, что я тайно рашу его наследника...

МИЛЛЕРЫ - самый популярный цикл современных любовных романов ЛитРес

Более 200 000 проданных электронных копий и миллионы прочтений в сети!

Все романы читаются отдельно.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Анна Россиус

Бывшие. Моя по договору

Глава

Пролог

Я стою у окна, держа маленького сына на руках. Мой малыш с восторгом наблюдает, как трактор разбирает то, что осталось от нашего сгоревшего амбара. Ему всего год и три месяца, и это – его любимая машина. После экскаватора, разумеется.

– У твоего папы огромный бронированный внедорожник. Когда подрастёшь, я вас познакомлю, и он тебя покатает. Если захочешь, конечно.

Так тоскливо становится. Я для Демьяна Горенского была мимолетным увлечением. О том, что Славик – его сын, он и не помышляет. Ну, не очень-то и хотелось. Я гордая и трудолюбивая, сама справлюсь!

Главное, чтобы никто не узнал про наш с ним договор, иначе со стыда сгорю!

Мужчина из моих мыслей оживает будто по волшебству. Моргаю несколько раз. Нет, мне не кажется – через двор быстрым шагом сюда идёт Демьян! В элегантном костюме, с зачесанными назад тёмными волосами, он будто бы сошел

со страниц глянцевого бизнес-журнала!

Несусь в гостиную, быстро включаю мультики и сажаю сынулю в пушистый плед и подушки напротив большого телевизора.

– Малыш, ты должен подождать меня здесь! Всего пару минут, ладно? Я отделаюсь от злого дяди и прибегу. Нам не нужно, чтобы он тебя сейчас увидел.

В комнату заруливает Мэйн-кун по имени Ван Гог. Это такой жуткого вида кот размером с Колли. Он получил свою кличку будучи котенком из-за пострадавшего в драке уха. Очень дружелюбный, обожает малышей.

– Ваня, присмотри за Славиком, – прошу, плотно закрывая дверь.

Мы с Горенским появляемся в холле одновременно. Он хмур, предельно сосредоточен. Эмоции всегда держит внутри, поэтому понять его настрой мне невероятно сложно.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю нервно, прислушиваясь к звукам из гостиной.

Он ничего не отвечает. Только осматривает меня пристально с головы до ног.

– Ты не пострадала?

– Нет, обошлось.

Демьян вдруг делает то, чего я от него в этот момент никак не ожидаю. В пару шагов оказывается рядом и рывком прижимает к себе.

Я ошарашена, пикнуть боюсь. Не знаю, куда свои руки

деть. Обнять или оттолкнуть?

Забыть не получается, что наши семьи много лет враждуют. И что мы с ним – враги.

В следующий миг Горенский будто в камень превращается – замирает и перестает дышать.

Я оборачиваюсь медленно, уже поняв, что произошло. Из гостиной появляется дурацкий кот, невесть как сумевший открыть запертую на щеколду дверь. А за ним ползком – Славик.

Демьян не сводит с малыша пронизательного взгляда, а тот с интересом смотрит на отца точно такими же карими глазами. Сходство их столь очевидно, что отпираться смысла нет.

С замиранием сердца наблюдаю, как Горенский впервые берёт сына на руки.

– Сколько ему, Полина? Он... мой?

Тайный ребенок от миллиардера

Бывшие, встреча через время

Противостояние характеров

От ненависти до любви

Глава 1

Два года назад

Ливень хлещет по асфальту и кронам деревьев с такой силой, что его шум заглушает все остальные звуки.

Я еду на велике по лесной дороге. Фонарь на руле слабо пробивает стену дождя, освещая лишь пару метров впереди.

Холодрыга какая! Тонкое платье промокло насквозь и противно липнет к коже. Ветер бьет в лицо вместе с дождем, заставляя щуриться.

Сто раз уже пожалела, что не осталась на ночь у Женьки в деревне, хотя она так уговаривала! Мне до нашей фермы еще пилить и пилить.

Колеса скользят по размокшей обочине, я с трудом удерживаю руль. Но на дорогу выехать не решаюсь – редкие машины проносятся на бешеной скорости, опасно.

Внезапно сзади бьет ослепительно яркий свет фар. Оборачиваюсь и боковым зрением вижу летящую прямо на меня машину!

Раздается резкий визг тормозов. От страха инстинктивно дергаю руль в сторону. Колесо выворачивается, и меня начинает нести к оврагу!

Столкновение с мокрой землёй неожиданное и весьма болезненное. Я кубарем лечу вниз, ветки хлещут по лицу и рукам. Спиной торможу обо что-то твердое. От боли искры сыплются из глаз!

Ощущения такие, что в теле ни одной целой косточки не осталось! Моя несчастная тушка пересчитала все валяющиеся в этой проклятой канаве брёвна!

Лежу на спине, не шевелясь. Надо мной — черное ночное небо, в котором сверкают молнии. В ушах стоит звон. Все

тело болит, особенно бок и задница.

Так страшно становится!

Уже готова зареветь от жалости к себе, но из непроглядной темени появляется силуэт. Это весьма крупный мужчина в светлой футболке. Он приближается. Мне слышно, как хрустят под его ногами ветки. Присаживается рядом со мной на корточки.

– Ты в порядке? – его низкий голос с трудом пробивается сквозь шум дождя.

Хочу ответить, что жива несмотря на его старания меня угробить. Но не получается, просто открываю рот, а звуков не выходит.

Он молча подсовывает одну руку мне под спину, другую – под колени. Его ладони горячие, я чувствую их тепло сквозь мокрое платье. Высокий и очевидно очень сильный, он легко поднимает меня и несет наверх. А я молюсь, чтобы он не поскользнулся в этой грязище – обидно будет шарахнуться второй раз за ночь.

У мужчины широкая горячая грудь. Хочется прижаться теснее и погреться, так сильно меня колотит от холода и пережитого ужаса.

Выйдя на асфальт, он ставит меня на ноги. Но они словно превратились в желе, и я их плохо чувствую. Видя, что я сползаю вниз, мужчина снова обнимает за талию и помогает перейти дорогу.

Только теперь я вижу, что произошло. На противополож-

ной стороне в густых зарослях блестит тёмная спортивная тачка. Она въехала мордой в дерево, ее передняя часть смята, а зад с фарами задран кверху.

Мужчина прислоняет меня к полированному боку и объясняет:

– Самому мне не выехать. Колеса увязли в грязи.

Ну ещё бы! Не нужно было путать раздолбанную лесную дорогу с гоночной трассой и ничего бы не случилось!

Злиться начинаю.

Он открывает багажник и что-то достает оттуда, мне не видно в темноте что именно.

Затем двумя руками хватается за подол моего платья и рывком стаскивает его через голову, отбрасывает его куда-то в сторону.

Мой заторможенный мозг оценивает происходящее слишком медленно! Я вдруг оказываюсь совершенно голой перед незнакомцем! Тонкое насквозь мокрое бельё – не в счет!

Меня охватывает паника, леденящий ужас расплзается по телу. Мне стыдно, что он смотрит, и очень страшно.

Мужской взгляд скользит по моему телу, и мне хочется сквозь землю провалиться. Его глаза на секунду останавливаются на моей груди. От холода и страха соски проступили сквозь мокрую ткань топа. Я прикрываюсь руками, продолжая тарашиться в ответ на этого наглого парня.

– Идём, – он подталкивает меня вперед, открывает пассажирскую дверь и усаживает на переднее сиденье.

В салоне тепло и приятно пахнет. Непроизвольно делаю глубокий вдох.

Подушки безопасности сработали и теперь свисают словно сдувшиеся воздушные шары.

Мужчина садится за руль, захлопывает дверь. Включает свет и достает из пакета сложенную темную футболку.

– Надень, – протягивает ее мне.

Беру её перепачканными в грязи руками. Ткань мягкая, приятная, а самое главное – чистая. Пальцы задеревенели, плохо слушаются. Я продолжаю неподвижно сидеть, ощущая на себе его пристальный взгляд.

Не дожидаясь, пока я оденусь, мужчина берет не то тряпку махровую, не то полотенце, смачивает его водой из бутылки и поворачивается ко мне всем корпусом.

– Дай мне руку, – просит.

Какой приятный у него голос, кстати. И знакомым кажется, я его раньше уже слышала.

Протягиваю ладонь и решаюсь, наконец, при свете ламп посмотреть на человека, по вине которого едва не погибла. В глазах рябит от слёз, они, почему-то, текут не переставая.

Но я все же рассматриваю своего обидчика исподтишка, пока он меня обтирает полотенцем. Руки у него такие приятные, осторожные, хотя видно что сильные и по-мужски красивые, с ровными пальцами и аккуратными ногтями. Белая футболка заляпана, но видно, что, прежде чем я вытерла об неё грязь из канавы, она была кипенно-белой и отглаженной.

Злиться начинаю из-за того, что я вся такая расхлябанная, а этот мужик весь такой идеальный! Еще и помочь мне, вроде как, пытается.

Он поднимает голову и наши взгляды встречаются. Все мои внутренности в один момент делают кувырок, будто я по витиеватой скоростной горки съехала.

Не может быть! Да ну нет!

Эти карие, обалденно красивые глаза я ни с чьими на свете не перепутаю! Может, галлюцинации с перепугу начались?

– Демьян? – решаюсь спросить.

Он замирает, услышав имя. Роняет на колени полотенце, резко обхватывает мой подбородок, убирает с моего лица растрепавшиеся кудряшки и заставляет посмотреть глаза в глаза.

– Поля?

Глава 2

В Демьяна Горенского я втрескалась лет пять назад и еще долго не могла выздороветь от этой тайной, неразделенной любви.

Всё началось в тёплый майский день, когда я впервые увидела ЕГО – своего Прекрасного Принца.

Дело было так.

Нам с Женькой, моей подружкой из соседней деревни, стукнуло по четырнадцать. Купальный сезон рановато было открывать – вода была еще холодная. Но не взирая на запрет

родителей, мы тайком взяли полотенца и пошли на лесное озеро.

Нашли удобное место с чистым песком и подальше от рыбаков. На противоположенном берегу гуляла шумная взрослая компания. Я рассмотрела несколько красивых блестящих машин. Явно не деревенские жители.

Мы скинули одежду, и Женька первая прыгнула в воду, визжа.

– Холодная, Жень?

– Капец, какая холодная! Но все равно классно!

Недолго думая, я сиганула за ней.

Кожу в момент обожгло. Я никак не могла привыкнуть к такой низкой температуре и не решилась заплывать на середину, как подружка.

Но осторожность меня не спасла. Внезапно ногу такой судорогой свело, что я от боли не сдержалась и заорала. Вода хлынула в лёгкие жидким огнём. Будто неведомая сила стала тянуть меня дну.

Такого ужаса, как в тот страшный момент, я никогда в жизни не испытывала. Не понимала, где низ, а где верх и барахталась отчаянно, пытаюсь всплыть. Но все было напрасно.

Очнулась уже на берегу.

Горло горело, вдохнуть не получалось, я судорожно кашляла, корчась на холодном мокром песке. А рядом сидел парень в совершенно мокрой одежде и держал меня за плечи. Вероятно, это он меня вытащил из воды.

В сторонке рыдала Женька.

– Дём, все в порядке?! – крикнул кто-то с того берега.

– Обошлось! – ответил мой спаситель. – Кто-нибудь, подгоните мне машину!

Меня трясло крупной дрожью. Я мало что могла понять. Судорожно хваталась за руки незнакомого парня, как за спасательный круг. Казалось, он отпустит, и я снова стану тонуть.

Дальше события летели стремительно. Меня отнесли в невесть как оказавшийся рядом внедорожник и уложили на заднее сидение. Женька устроилась впереди с кучей нашего барахла.

- Я – Демьян. Вы откуда, девчонки? – спросил выловивший меня парень, усаживаясь рядом.

Подружка ответила. А у меня даже не хватило сил представиться, так стучали от холода зубы.

Мотор заурчал, и машина тронулась. Очень скоро в салоне стало тепло.

Женька что-то объясняла водителю, а я молча наблюдала, как Демьян стаскивал с себя прилипшую к телу футболку. И впервые отметила, насколько привлекательным внешне оказался этот парень. Мокрые тёмные волосы торчали в беспорядке, выразительные карие глаза смотрели на меня с интересом, а четко очерченные губы изгибались в обаятельной улыбке. Тело – рельефное, какое бывает у спортсменов. Я поняла, что таращусь на него неприлично долго и стыдливо

отвернулась к окну.

– Полю нужно на ферму отвезти, – настаивала Женька. – Я короткую дорогу через лес покажу.

Я как представила, что скажут родители, увидев меня в таком состоянии и поняв, что произошло. Врать-то я им не стану, нет такой привычки.

– Мне домой сейчас нельзя... – только и смогла выдать.

– Родителям сдадим с рук на руки, – заверил парень, что вел машину. – Чтобы надрали зад как следует за такие дела. Не умеешь плавать, Полина, куда полезла?

Мои щеки полыхнули от стыда. Отморозилась, видать, наконец-то.

– Я умею.

– Мы так и подумали, когда ты под воду ушла. А если бы рядом никого не было?!

Я поняла вдруг, что эти люди тоже перенервничали. Не каждый день, наверное, у тебя на глазах захлёбывается человек. А тот, что меня вытащил, мог потонуть вместе со мной. Меня начала снедать чувство раскаяния.

– Спасибо, Демьян.

– На здоровье, – ответил он беззлобно своим волшебным низким голосом.

И в этот момент я поняла, что он – самый прекрасный мужчина на свете. Сильный, добрый, решительный и смелый. И невероятно красивый! Я таких раньше, клянусь, не встречала!

Стоило машине остановиться у ворот фермы, навстречу вышли мама с папой. И разразился скандал.

Откуда мне было знать, что Демьян – сын заклятого врага моих родителей? И что враждуют наши семьи с незапамятных времен.

Оказывается, Горенские владеют тем самым агрохолдингом, земли которого раскинулись по соседству. Много лет назад они оттяпали у папы приличный кусок земли. Мои в долгу не остались и наслали какие-то проверки, повлекшие за собой значительные убытки. Противостояние длится уже не первый год, и взаимная ненависть только крепчает.

– Где твоя голова была, Поля?! – орал папа. – Это он тебя на озеро потащил? Ты сама бы до такого не додумалась, я знаю!

– Я додумалась сама, пап, не кричи, пожалуйста!

– Не выгораживай! А ты?! – он ткнул пальцем в грудь годовалого по пояс Демьяна. – Знаешь, сколько ей лет, мажор? Четырнадцать! А еще позавчера было тринадцать! Я тебя по судам затаскаю!

Демьян не стал оправдываться и рассказывать, что мы с ним, вообще-то, едва знакомы. Что только благодаря ему я осталась жива.

Он посчитал это выше своего достоинства.

Мне было перед родителями жутко стыдно за свой поступок. Но и смотреть, как они незаслуженно ругают Демьяна сил никаких не было.

– Пап, он ни в чем не виноват! Мы пошли сами...

– Ты наказана. А этих... – он махнул рукой на внедорожник. – Чтобы рядом не было. Увижу с ним еще раз, запрю дома навечно.

Мой мудрый добрый, понимающий папа... Я впервые видела его с посторонними людьми таким. Подумала тогда, что корни этой лютой ненависти к Горенским кроются глубже, в чем-то личном. И не ошиблась...

Сомневаюсь, что у Демьяна было хоть какое-нибудь желание продолжать знакомство, учитывая нашу большую разницу в возрасте.

А я в тот день влюбилась по уши и долго по нему страдала.

Паслась на его страничках в социальных сетях. Мучалась, но все равно рассматривала его фотки с взрослыми, красивыми девушками. И понимала, что мне до него, как до луны.

Его семья богата, не чета моей. Да и неинтересно было бы со мной такому парню. Об интимной стороне вопроса я даже не думала, недавно только перестала в куклы играть. Но мечтала о романтике дни и ночи напролёт.

Представляла, что вот как вырасту и мы с Демьяном снова встретимся. Случайно. Я буду в красивом платье и с прической, а он снова меня от чего-нибудь спасет. От хулиганов, например.

Но годы шли, мы больше не виделись и мои мечты так и остались мечтами.

До сегодняшней ночи.

Демьян заметно возмужал. Он превратился из красивого парня в сногшибательного молодого мужчину. А я сижу в его роскошной тачке вся взъерошенная, грязная и почти голая, стыдливо пряча грудь от его пристального взгляда.

Романтика и рядом не валялась. Её зачатки сгинули в той грязной канаве, из которой он меня только что вытащил.

– Поля?

– Привет, – киваю, пытаюсь увернуться от его руки, сжимающей мой подбородок.

Удивительно, как он меня вообще смог узнать?

Демьян отпускает и чуть отодвигается. А я не знаю, в какую сторону смотреть, куда мне девать руки.

Дождь сильнее барабанит по крыше. Яркие молнии раскалывают ночное небо. В моей душе такое же ненастье, как бушует на улице.

Прежние чувства, так старательно запрятанные в самой глубине, вдруг всплыли на поверхность все и сразу.

– Давай, я помогу.

Демьян, видя мою заторможенность, берет футболку и начинает на меня натягивать. Послушно поднимаю руки, морщась от внезапной боли.

Он откручивает горлышко и подает мне бутылку. Я молча пью.

Мы одновременно замечаем у него на ладони кровь.

– Это не моя, – он хмурится.

Окидывает меня внимательным взглядом.

– У тебя кожа на бедре рассечена. Дай посмотрю.

Действительно, там довольно глубокая ссадина. Вокруг нее вспухла кожа.

Следующие несколько минут мой Принц, выудив аптечку, возится с моей раненой ногой. Я изо всех сил делаю вид, что все в порядке, мне не больно.

Но когда Демьян заканчивает стирать грязь с бедра и касается смоченным тампоном раны, непроизвольно вскрикиваю. Слёзы брызжут из глаз, так сильно щиплет.

– Прости, малышка. Больно, я понимаю. Сейчас быстро остановим кровь, заклеим и в больницу. Помощь я вызвал, нас скоро заберут.

Мне кажется, или его голос смягчился после того, как он меня узнал?

Мне больно и приятно одновременно. Чувствую его осторожные пальцы кожей и млею.

Он вдруг задерживает руку, гладит нежно по коленке, вроде успокаивает. А у меня по телу от его касания расходятся волны жара и наливается тяжестью низ живота.

Такая очевидная реакция на близость мужчины у меня впервые. И не смотря на то, что я давно уже совершеннолетняя, близко к себе еще никого не подпускала. Потому что любой, кто ни пытался, оказывался недостаточно хорош. Я никогда не забывала о Демьяне и всех своих немногочисленных парней сравнивала с ним. Поэтому все мои романы заканчивались, едва начавшись.

Но стоило ЕМУ дотронуться, я сразу вспыхнула, как спичка.

Глава 3

Наши дни

– Держи фонарь ровнее, – прошу Женьку, вонзая маленькую лопатку в землю у толстого стебля.

Хотя в такую ночь можно было бы и без фонаря обойтись – полная луна светит, как прожектор. Мы с Женей, моей подругой из соседней деревни, вдвоём посреди бескрайнего кукурузного поля. Страшновато.

– Может, ну её, Польша? – её голос дрожит. Она озирается, и луч фонаря прыгает. – Мы уже полчаса пытаемся. Это безнадежно. Проще выкопать вековой дуб!

– Сдаваться рано.

– А этому твоему энто... этно...

– Энтомологу. Вера Борисовна её зовут. Она спец по насекомым и еще много в чем разбирается.

– Да. Ей точно нужна кукуруза целиком? Со стеблем, с корнями... Початка недостаточно?

– Целиком, она сказала, нести. Чтобы разобраться в том, почему эта гигантская генно-модифицированная саранча сожрала наш урожай и урожаи всех окрестных ферм, но не тронула поля Горенских, ей нужно максимум информации.

– Думаешь, Горенские виноваты?

– Уверена. Это нам с тобой понадобилось лезть сюда через забор, чтобы попасть на их территорию. А для роя прожорливых летающих тварей любое ограждение – не препятствие. Но вся кукуруза цела. Как так получилось?

– Дело, значит, в этой кукурузе?

– Возможно, и в ней тоже. Вера Борисовна уверяет, что это особый, искусственный вид саранчи. Её вывели устойчивой к любому виду пестицидов. Кто и зачем – загадка. Местные, конечно, подозревают агрохолдинг Горенских, но связываться с ними никто не смеет.

– А ты, значит, осмелилась?

– А я – да. Если не разобраться в случившемся, бедствие повторится и в будущем. Мы разоримся, как и многие наши соседи.

– А точно дело только в урожае? Ты держишь обиду на Демьяна, потому и ищешь вину Горенских там, где ее, возможно, нет.

Я резко выдергиваю лопатку. Ком земли осыпается обратно в ямку.

– Я не обижена, – говорю тихо, начиная злиться. – Я хочу знать правду. Наши отношения с Демьяном тут ни при чем. Он вообще за границей и не факт что вернется в страну в ближайшем будущем. А наши урожаи уничтожены. Родители могут потерять все. А поля холдинга... Посмотри!словно оазис в пустыне. Так не бывает.

– Демьяна видели недавно в Москве.

Я замираю. Настроение летит вниз, хоть и до этого было не очень.

– Даже если он в Москве, сидит небось в своём пентхаусе и здесь не появляется.

– Это в том, в котором вы зачали Славика? – ехидно напоминает Женька.

– Не знаю, может у него их несколько.

– Скажешь Демьяну о сыне?

– А ты думаешь, он не знает? Тут все друг у друга на виду. Но он вычеркнул меня из жизни.

– Может, думает, что это не его ребенок?

– А чей? Он был моим первым и единственным мужчиной, я на других даже не смотрела. И подумать даже не могла, что для него это окажется короткий проходной роман. Мы переспали всего раз... не сложно к этой дате девять месяцев прибавить. Просто он, видимо, не захотел. Ну и пожалуйста! Славик растет счастливым ребенком, у него есть любящие мама, бабушка, дедушка и куча друзей.

– Ладно, не будем о Демьяне, а то ты что-то совсем раскисла. Допустим, Горенские проводят на своих полях эксперименты с чудо-саранчой. У них деньжищи и влияние, что ты с этим поделаешь? Давай уйдем, пока нас не поймали!

Проклятая кукуруза никак не поддается. Я в отчаянии отбрасываю лопатку, хватаюсь за стебель и что есть сил начинаю его раскачивать.

– Что вы здесь делаете? Это частные владения! – раздает-

ся рядом свирепый бас.

От неожиданности мы в один голос орем! Чуть сердце со страху не встало!

Перед нами - два суровых вооруженных громилы. Мамочки!

– Мы просто гуляем! – торопливо начинает объяснять Женька. – С соседней фермы пришли.

– Ну-ну. Гуляете с лопатой.

Один из них хватает меня за локоть. Другой идет на Женьку, она пятится.

– Спросите вашего хозяина, Демьяна Горенского! Он нас знает!

– Жень, молчи, – шикаю на неё.

Она отступает к забору. Пара ловких движений, и оказывается за ним. Охранник, не ожидавший от хрупкой девушки такой прыти, замирает растерянно.

– Отпустите Полю! – орет из-за забора. – Иначе я полицию вызову!

– Можем сами вызвать.

Вот черт! Объясняйся потом с родителями, что мы тут посреди ночи делали. Папа и так сам не свой после гибели урожая.

– Жень, у меня в комнате сумка, в ней документы. Сможешь найти тихонько и принести сюда? Так, чтобы мои не проснулись?

– Смогу.

Она уносится в сторону нашего дома. А меня через все поле тащат к домику охраны.

– Мы, правда, местные.

– Сейчас узнаем.

Заходим внутрь. Сажусь на старый выцветший диванчик.

Меня колотит ни то от холода, ни то от страха.

Один их охранником звонит по внутренней связи:

– Кость, мы тут браконьеров поймали. Говорят, что знакомые Демьяна Александровича. Девчонки две, с соседней фермы, типа. Ага. Нет. Да. Имя назови своё, – он мне кивает.

Молчу, как партизан.

– Молчит. Одна у нас, вторая убежала. Что с ней делать?

Понял.

Громила вдруг наводит на меня смартфон, фотографирует. И, видимо, отправляет своему коллеге в особняк Горенских. Ну или где у них базируется охранная служба.

– Ну всё, – он говорит второму, садясь за стол. – Теперь ждём.

– Ждём чего? – спрашиваю растерянно.

На мой вопрос никто отвечать не собирается.

Мужчины ставят чайник. Разливают горячий чай по кружкам и одну пододвигают ко мне.

Проходит десять минут, двадцать. На Женьку уже не надеюсь, она сюда дорогу вряд ли найдет.

Примерно через пол часа тяжёлая дверь открывается. Заходит высокий широкоплечий мужчина в тёмном спортив-

ном костюме. Здравается, снимает капюшон.

Я едва чаем не давлюсь.

Демьян.

Глава 4

Я не ожидала, что Биг Босс явится сам, а не ограничится указаниями по телефону. Для охранников его появление – тоже неожиданность, судя по вытянувшимся лицам.

– Демьян Александрович. Знаете девушку?

– Да.

Этот низкий голос бьёт в мои барабанные перепонки, словно раскат грома. Я не слышала его целых два года, и непроизвольная реакция чрезвычайно злит!

Я реагирую бессознательно – дикой вспышкой радости от того, что это действительно ОН, настоящий, из плоти и крови. А не герой моих беспокойных снов.

Он смотрит мне в глаза. И на меня обрушивается шквал совершенно иных чувств – обиды, унижения, страха. Горечь одиноких ночей у колыбели. Тоска по его объятиям, поцелуям, ласковому шепоту. И по всему тому, что могло у нас быть, но не было. Ведь кое-кто здесь – наивная романтическая идиотка, однажды позволившая себе слишком много мечтать.

Мне сложно вынести с достоинством его пристальный взгляд. Сердце колотится так отчаянно, мне кажется, все это слышат. Но осознание того, что никому здесь дела нет до моих душевных мук, придает сил и помогает взять себя в руки.

Горенский сказал, что знает меня. Нужно поскорее умахивать отсюда.

– В таком случае, я могу быть свободна?

Демьян кивает мужчинам, молча идет на выход и открывает дверь. Я встаю и догоняю его быстрым шагом, юркаю в проём.

Оказавшись на улице, оборачиваюсь:

– Спасибо. Я пойду к себе.

Я ни секунды больше не выдержу рядом с ним. Еще немного, и моё не совсем еще зажившее после его предательства сердечко разорвется на куски.

Мы не увидимся еще два года. А может десять. Тем лучше.

– Полина, стой.

Черт.

– Я тороплюсь. И очень замерзла. Если тебе нужны объяснения, можно позже? И, желательно, по телефону?

Горенский стаскивает через голову свою кенгуруху. Успеваю полюбоваться на его рельефные бицепсы и проступающие через тонкую ткань белой футболки грудные мышцы. Он, как будто бы, еще крупнее стал.

Наукой ведь занимается, на нём все передовые разработки в холдинге Горенских. А выглядит, будто какой-нибудь... пловец.

Надеюсь, Славику достанутся от отца гениальные мозги. И внешность тоже. Только растить я его буду не заносчивым

самовлюблённым ослом.

Так тяжело смотреть на этого мужчину. Я помню каждую черточку его лица, прямой нос, мужественные линии скул и подбородка, мягкие полные губы и ямочки на щеках, когда он улыбается. У нашего сына точно такие же.

Вздохнуть не успеваю, как Демьян натягивает на меня свою кофту. Она такая тёплая, уютная, приятно пахнет им.

Но я не понимаю...

– Зачем? Мне тут недалеко.

– Что ты здесь делала в такое время, с лопатой? Я заинтеригован.

– Расскажу как-нибудь потом. Спасибо за кофту. Доброй ночи.

Разворачиваюсь и припускаю вдоль ровных кукурузных рядов. Ну нет у меня сил с ним разговаривать! Я на него смотреть спокойно не могу! Ещё минута и разрыдаюсь от несправедливости вселенской.

Пусть думает, что хочет, мне плевать. Бегу, глаза обжигают слёзы. Ну вот, не удержалась. Сейчас окажусь дома, заруюсь в пледы и подушки и пореву всласть.

Расстояние от охраны до забора приличное, я запыхалась с непривычки. Метрах в двухстах от того места, где мы лезли с Женькой, торможу и пытаюсь отдышаться, согнувшись пополам. Странно, но подружки не видно. Всё еще ищет мою сумку?

Позади раздаются тяжелые шаги. Здоровенная ручища

обхватывает мой живот, не успеваю пикнуть. Мамочки! Цепенею от страха.

– Я тебя не отпускал, – сообщает Демьян, тяжело дыша. – Теперь мне интересно вдвойне.

Я разворачиваюсь в плотном кольце его рук. Упираюсь в его вздымающуюся грудь. Меня трести мгновенно начинается. От его близости, голоса, запаха, нахлынувших воспоминаний.

– Мне надо домой.

– Ребенка оставила одного? Нужно было раньше пережить об этом.

Я открываю и закрываю рот, не зная, как бы обиднее его обругать! Толкаю его что есть сил в плечи!

Ну какой же гад! Славик спокойно спит сейчас с моей мамой. Родители думают, что я в своей лавке лью свечи. Я часто засиживаюсь там допоздна, когда не нужно на учёбу.

Меня вдруг осеняет – Горенский знает про то, что я родила. Но либо ему плевать, либо считает, что отец – не он. Узнавать правду нет желания.

Не понимаю, чего так заикливаться?! Ну выкопала бы я один куст, ему что, жалко?

– У нас погиб весь урожай.

– Тебе посреди ночи кукурузы захотелось? Жаль, её нигде купить нельзя, – он скептически сжимает губы.

– Да, захотелось. Я могу идти?

– Пойдешь, когда скажешь правду. До меня дошли кое–

какие слухи. Ты проводила экспертизу. Думаешь, на кого бы вину свалить?

Чёрт. Откуда он знает?

– Не свалить вину, а найти доказательства вины. Это не одно и то же!

– Считаешь, это мы наслали вредителей на окрестные поля?

Мы молча смотрим друг на друга. Горенский меня за дуру держит. К чему этот бессмысленный разговор? Либо сдавай меня в полицию за проникновение в частные владения и попытку кражи или что там еще можно мне вменить. Либо отпускай уже!

Демьян засовывает руки в карманы штанов, и мне становится чуть-чуть спокойнее.

– Это всё глупости, конечно, - он рассуждает вслух. – Но по репутации ударить может, если ты не прекратишь раздувать скандал на пустом месте.

Я делаю шаг назад. Он наступает.

– На пустом месте? Почему эти твари не тронули поля холдинга? Я знаю, почему. И ты знаешь, Демьян! Не можешь не знать!!!

Я хочу отказаться от него как можно дальше, я растеряна, морально опустошена нашей внезапной встречей! Мне так больно! А его волнует чертова кукуруза!

– Прекрати совать нос в то, чего не понимаешь. Это может скверно закончиться.

Он что, мне угрожает?!

– Я узнаю, в чем там было дело! И если виноваты какие-то твои разработки, а я в этом не сомневаюсь, – ты заплатишь! Всем, кто едва не разорился по твоей вине!

Я начинаю в ярости стаскивать через голову чужую кофту, не переставая злобно его обличать:

– Вздумал превратить фермы, которые люди многими поколениями возделывали, в полигон для своих испытаний?! Свою землю пожалел?! Думаешь, вам как и раньше, это злодеяние сойдет с рук?!

Я почти освободилась от дурацкой кофты. Но злобно швырнуть её не успеваю.

Демьян берет меня за бедра, без труда перекидывает через плечо и бодрым шагом направляется прочь от забора.

– Всё, доболталась, Жанна Дарк.

Глава 5

Демьян идет так, будто я ничего не вешу.

– Пусти! – требую, ударяя его ладонью по спине. Не слишком сильно, чтобы не разозлить.

Мне страшно. Что он задумал? Ничего хорошего можно не ждать, учитывая, как мы с ним расстались два года назад.

По ту сторону забора раздается крик:

– Эй, вы куда её несёте?! Я сейчас всех соседей по тревоге подниму!

Женька подросла.

Демьян замедляет шаг. Вряд ли ему нужен скандал.

Я пользуюсь моментом и резко дергаюсь всем телом. Он, не ожидавший такого напора, на секунду теряет равновесие, и его хватка ослабевает.

Этого достаточно. Я соскальзываю с его плеча, ноги подворачиваются при приземлении, но я успеваю упереться руками в землю и встаю, покачиваясь.

Поднимаюсь и припускаю к забору. Не побежит же Горенский за мной, в самом деле? Не будет снова хватать при свидетелях?

Ноги проваливаются в мокрой мягкой земле. Краем глаза примериваюсь, набегу срываю початок и швыряю его Женьке. И только когда сама оказываюсь за забором, решаюсь обернуться.

Демьян стоит, сунув руки в карманы спортивных штанов, и ехидно улыбается.

– Что это было? – шепчет Женька, когда мы отходим подальше. – Он что, пытался тебя похитить?

– Понятия не имею. Он знает про экспертизу.

– Ооо... ясно. Пытался угрожать, чтобы не лезла?

– Вроде того.

Мы быстрым шагом идем по дороге к нашему участку. Фонарь на столбе мигает, отбрасывая желтое пятно света. Я стараюсь дышать глубже, ровнее, но сердце все еще колотится где-то в горле.

– И что теперь? Зачем тащить-то было?

– Не знаю, Жень. Попугать, может, хотел.

– А про Славику не спрашивал?

– Намекнул, что я фиговая мать, раз ребенка среди ночи оставила.

Женька замирает.

– Ну и гад!

– Ещё какой.

Попрощавшись с подружкой, захожу в дом. Закрываю дверь на замок и еще зачем-то на щеколду.

Приваливаюсь спиной к холодному косяку и закрываю глаза. Руки все еще дрожат немного – адреналин гуляет в крови.

Дома тихо. Родители и Славик давно спят. Привычные запахи выпечки и детского порошка успокаивают.

Я чувствую такую опустошенность, будто всю жизнь из меня высосали. Хочется сесть на пол и закрыть глаза. Ни о чем не думать и не вспоминать. Но всё же собираюсь с духом и топаю на второй этаж, в свою комнату.

На мне кофта Демьяна. Она пахнет им. Его телом и горьковатой туалетной водой. Эти запахи пробуждают еще больше воспоминаний, которые я два года старалась заталкивать как можно глубже. Потому что они приносят боль и стократно усиливают тоску по этому мерзавцу.

Яростно стаскиваю с себя проклятую кофту. Но, подавшись неясному порыву, хватаю и прижимаю её к груди. Вдыхаю мужской запах снова и снова, как последняя мазохистка.

Я вспоминаю тепло его рук на моем теле. Шероховатость

пальцев. Звук его смеха, низкого и всегда как будто сдержанного. Темноту спальни и лунный свет в окне. Тишину, нарушаемую только нашим частым дыханием и шуршанием простыней. Чувство полной безопасности и абсолютного счастья в его объятиях.

Всхлипываю, коря себя за столь сильные чувства к человеку, которому они оказались не нужны. Слёзы в два ручья.

Очнувшись, я резко открываю глаза, комкаю кофту и швыряю ее в угол, в корзину для белья. Но запах все еще висит в воздухе.

Распахиваю форточку, впуская холодную ночную сырость.

Жаль, что выбросить Демьяна из головы и из сердца мне, похоже, не по силам.

Интересно, надолго Горенский вернулся в страну? Если да, то, я надеюсь, нечасто будет появляться в наших краях.

Всю следующую неделю мы с соседом Кириллом, хозяином ближайшей фермы, посвящаем расследованию. Их урожаи тоже пострадали.

Мы дружим с детства, и он крёстный папа моего Славика. Очень меня поддерживал после родов. Наверное, во многом благодаря ему я не впала в уныние.

Нет, материнство мне было в удовольствие. Я несколько раз в день благодарила бога, что послал мне сыночка. Но не переставала тосковать по его отцу.

Все мои представления о большой любящей семье рух-

нули разом. И справиться с крушением надежд оказалось нелегко. Кирилл всегда был рядом и не давал грустить.

Было время, наши родители даже подозревали нас в романе. Кирилл – обаятельный двухметровый бугай спортивного телосложения, очень симпатичный. Девчонки дерутся за его внимание, а он меняет их, как перчатки. Но, в отличие от одного моего знакомого, поступает честно – не пудрит им мозги и не обещает любви до гроба.

Славик очень любит крёстного и всегда рад покататься на его большой машине. А объездили мы за несколько дней все окрестности. Поговорили с другими фермерами. Обрисовали ситуацию и заручились поддержкой.

Энтомолог Вера Борисовна забрала для исследования початок. И спустя пару дней сообщила – кукуруза также необычна. То есть, некто вывел новую разновидность сверхпрожорливой саранчи и агрокультуру, которую этот вредитель не трогает. Для чего? Кому от этого польза?

А польза должна быть соизмерима потраченным средствам. Чтобы вырастить такой рой нужны большие инсектарии, сложное климатическое оборудование и тонны корма... Кто-то прилично так потратился.

Нетрудно догадаться, кто, раз уж нетронутые поля принадлежат агрохолдингу Горенских.

Страшновато идти войной на столь могущественное семейство. Но перспектива разорения не оставляет мне выбора.

Если поначалу искусственное происхождение вредителей было только моими домыслами, то к концу недели поднятая нами волна достигла размеров цунами. Нашим бедствием заинтересовались СМИ!

Я каждый день ждала, когда вмешаются Горенские. И дождалась.

Выходя из ворот университета, заметила блестящий тёмный автомобиль представительского класса. И в голову не пришло, что это по мою душу.

– Полина? – позвал серьёзный мужчина в строгом костюме.

– Да.

– Господин Горенский просит вас встретиться с ним.

Первым порывом было броситься к метро. Кто так беззащитную женщину просит о встрече?!

Но сделав пару глубоких вдохов, я всё же иду к машине. Если им нужно, меня рано или поздно где-нибудь поймают.

Но Горенские ведь не мафиози какие-то? В наше время людей не пытаются и не закатывают живьём в бетон, хочется верить.

Если начнут сильно пугать, расскажу им про Славика. Они ведь не станут причинять вред матери наследника их многомиллиардного агроконгломерата?

Глава 6

Машина мягко трогается с места. В салоне тихо, только едва слышен гул двигателя.

Водитель не поворачивается, не пытается заговорить. Он просто ведет машину, аккуратно перестраиваясь в потоке. Ко мне совершенно безразличен.

Я чувствую себя товаром, доставку которого господин Горенский ему поручил.

Смотрю в окно. Знакомые улицы мелькают за тонированным стеклом. Мы едем недолго, минут пятнадцать, не больше. Машина сворачивает к новому многоэтажному деловому центру. Плавнo съезжает вниз, на подземную парковку.

Водитель паркуется и открывает для меня дверь, помогая выйти. Провожает в здание, где на рецепции меня ожидает миловидная коротко стриженная шатенка по имени Кристина. На ней безупречный персиковый комплект и незаметный, нюдовый макияж. И я начинаю чувствовать себя среди сверкающего великолепия замарашкой. Мой скромный костюмчик изрядно помялся и выглядит просто и дешево. А из косметики – только гигиеничка.

Пока я заполняю документы на временный пропуск, она терпеливо ждёт.

А я до сих пор не знаю, зачем меня сюда привезли. А главное – к кому? Горенских же несколько.

Поднявшись на лифте, мы проходим длинным коридором и попадаем в приёмную.

Кристина просит меня подождать. И я послушно жду, усевшись на низкий диванчик.

Минуты проходят, и начинаю злиться. Ведь не по своей

воле сюда явилась, так меня еще и динамят! Если засобираюсь на выход, будут останавливать, интересно?

– Демьян Александрович освободился, вы можете пройти, – сообщает Кристина.

Встаю, поудобнее перехватываю свой портфель и на задеревеневших вдруг ногах топаю к кабинету босса, затаив дыхание открываю дверь.

Кабинет просторный, с большим письменным столом, на котором разложены бумаги и мигает ноутбук. Горенский встает при моём появлении, а я, наоборот, замираю.

Впервые приходится видеть его за работой. Не в повседневной одежде, а в строгих брюках и рубашке. Ему очень идёт.

– Полина, проходи, – произносит таким деловым тоном, будто это не он меньше недели назад тащил меня на плече по кукурузному полю. – Садись.

Киваю вежливо и опускаюсь в кожаное кресло по другую сторону стола.

– Ты хотел поговорить?

Он ничего не отвечает. Расстёгивает манжеты белоснежной рубашки и неспеша закатывает до локтей рукава. Возвращается в массивное директорское кресло и закрывает крышку ноутбука.

– О твоём «расследовании», да. Насколько я смог убедиться, ты настроена всерьёз?

– Да, – я не мигая смотрю в его глаза.

– Мне очевидно, что из этого ничего не выйдет. Но ты упрямая.

– Уверена, что выйдет. У меня есть заключение энтомолога.

– Пойдешь с ним в суд? Попытаешься взыскать компенсацию?

– Да.

Он снисходительно улыбается.

– Тогда тебе придется доказать происхождение образца. А это, боюсь, невозможно – поле, откуда ты взяла початок, уже перепахано.

– Что?

– Там теперь голая земля.

У меня изо рта рвутся ругательства, но унижаться еще больше нет желания. Какая же я дура!!!

Модифицированную кукурузу с агрохолдингом уже не свяжешь, придется искать того, кто вывел саранчу.

– Ну а кампания, которую ты развернула в попытке меня опорочить – повод для судебного разбирательства. Только истцом буду уже я.

Пододнок. Ненавижу.

Он продолжает:

– Я по-хорошему просил тебя остановиться. Честно объяснил, что мы к гибели урожаев не имеем отношения. Но ты не сдаешься.

– Схватить и тащить незнамо куда – это было по-хороше-

му? Может, ты меня прибить хотел и закопать посреди поля....

Демьян закатывает глаза к потолку. Вздыхает, будто приходится общаться со слабоумной.

– Мы этого уже не узнаем, – отвечает со всей серьёзностью. – Но да, это было по-хорошему. Хочешь узнать, как будет по-плохому?

Я поднимаюсь. Этот безупречный гад специально вызвал меня в свой роскошный кабинет, где я себя чувствую не в своей тарелке.

Демьян встает тоже. Берет из ящика стола какие-то бумаги и идет ко мне.

– Если ты не уймешься, я разорю ферму твоих родителей к чертям и все окрестные заодно.

Нет, это просто верх цинизма! Я не ошиблась в нём два года назад. Он действительно – монстр.

– Не запугивай меня. Я так или иначе выведу тебя на чистую воду. И ты заплатишь за то, что сделал.

Я пячусь к выходу. Разговора явно не получилось, каждый останется при своём.

– Но если все дело не в желании ударить меня побольнее, а в компенсации, то у меня есть решение.

Демьян перехватывает меня за локоть и возвращает к столу. Кладет передо мной документы.

Прикосновение рождает неясное томление, и мне перед самой собой за это стыдно. Как можно ненавидеть человека

и в то же время желать его близости?!

Всё потому, что он отец моего сыночка, не иначе.

– Читай, – приказывает, становясь позади меня, вплотную.

Обе его руки упираются в стол. Я будто в ловушке. Чувствую сквозь тонкую ткань жакета тепло его груди, живота... Зачем он так делает?!

Мне сложно сосредоточиться, буквы прыгают. Это договор.

Если я верно понимаю, Горенский обязуется выплатить в качестве помощи потерявшим урожаи фермам круглую сумму... весьма внушительную. Конечно, о вине холдинга тут ничего не сказано, это якобы добровольная помощь. Вторая сторона, то есть я, обязана соблюдать условия, обозначенные в приложениях к договору... Интересно, что же он хочет взамен?

Неразглашение... ну это понятно. А это что???

– Что это? – я отбрасываю в сторону листок, как ядовитую змею.

Чувствую, как мужская ладонь прижимается к моему животу, мягкая, горячая.

– В обмен на мою помощь фермерам ты должна будешь отказаться от своего идиотского расследования.

– Это я поняла. А остальное... там про... секс!

Он прижимает мой зад к своим бедрам, и я начинаю задыхаться от волнения и возмущения.

– Два года мечтал тебя жестко наказать за то, что ты сделала.

Глава 7

Я в полной растерянности. Это шутка?

Готова была к угрозам, запугиванию всяческому. Но что-бы такое...

– Ты же не серьёзно?

С усилием оборачиваюсь, оказываясь к Горенскому лицом. Он значительно выше, и мой нос утыкается ему в ярменную впадину. Знакомый, когда-то горячо любимый мною запах ударяет по нервам.

Его руки смыкаются у меня на спине, а сам он остается неподвижным.

– Объясни мне.

– Я хочу контролировать каждый твой шаг. Помня недолгую историю наших отношений, не сомневаюсь – ты способна ударить в спину в самый неожиданный момент. На слово я больше тебе не верю. Поэтому, подписывай договор. Мы оба будем соблюдать его условия, и больше ничего плохого не случится. Ни с тобой, ни с твоей семьёй.

А вот это уже угроза.

Он поднимает ладонью мой подбородок, заставляя на себя посмотреть:

– Секс – приятно дополнение. И не такая уж большая цена за то, что ты и все твои соседи в итоге получат.

Меня тряссти начинает от негодования. Ясно, что интим со мной ему и даром не нужен. Просто хочет поиздеваться.

– Тут указано, что у меня не должно быть других мужчин, пока действует договоренность...

– Это обязательное условие.

– То есть, я должна разорвать отношения, если они у меня есть?

– Твой качок за два года так и не женился на тебе, несмотря на наличие ребенка. Поэтому... считаю, невелика будет потеря.

Горенский!!! Он думает, что мы с Кириллом вместе и что Славик – его сын?!

Хочется выплюнуть заносчивому ослу в лицо всю правду. О том, что он – был первым и до сих пор остается единственным. Что на других я даже не смотрю, хоть и надежду давно оставила. В тот самый день, когда он разбил мне сердце.

Я будто снова окунаюсь в прошлое. На миг мне кажется, что он обнимает меня, как прежде. Но нет. Усилием воли заставляю себя очнуться.

– А ты? Ты будешь спать со всеми подряд?

– Я не сплю со всеми подряд, Полина, – костяшками он нежно проводит по моей шее, пропускает между пальцами выбившийся из пучка завиток. – Следующим летом я женюсь на дочери отцовского партнёра, когда ей исполнится восемнадцать. До тех пор я буду спать исключительно с тобой.

У меня коленки подгибаются, едва успеваю выставить руку и опереться на спинку стула. Демьян предусмотрительно поддерживает за талию, но я его помощи не хочу.

Временная бесправная любовница – вот место, которое он мне отвёл. Не буду ни на что претендовать, не буду просить внимания и любви и спокойно отпущу потом в новый счастливый брак. Иначе – разорение.

В голове не укладывается, насколько этот мужчина жесток.

Раз уж приходится расстаться с внушительной суммой, чтобы замять скандал с их непонятными экспериментами на ни в чем не повинных фермах, он решил сильнее меня обидеть.

Самому ему я не нужна, тут никаких сомнений. Но и с другим должна порвать!

Не знаю даже, как выходила бы из этого чудовищного положения, будь у меня, действительно, любимый человек. Но его нет. И я разубеждать в этом Горенского не буду. Пусть думает, что я страдаю в разлуке с Кириллом и радуется.

Согласиться на такую роль – невыносимо. Это грязно, унижительно...

Но зато я больше не увижу, как плачет мама тайком вечерами. И папа лихорадочно пытается придумать, как свести концы с концами. И даже если в этот год мы как-нибудь еще справимся благодаря накоплениям, где гарантии, что подобное не повторится в следующем?

Горенский дает понять, что честными методами мне с ним не справиться. То есть, компенсации не будет, зато возможно будут продолжаться бедствия.

Я закрываю лицо ладонками, тру. В голове гул, в ушах будто вата. Голос доносится словно издалека:

– Полина?

Боже, как я от всего устала! Почему я не выбрала своему малышу в отцы честного, любящего мужчину? Который бы не опускался до запугиваний и шантажа? И не рвал мне сердце при каждой встрече.

– Добавь сюда пункт о том, что в будущем наши фермы не пострадают из-за ваших экспериментов.

– Не было никаких экспериментов.

– Всё равно, добавь. И тогда я его подпишу.

Он снова фиксирует мой подбородок, вынуждая смотреть глаза в глаза:

– Ты ведь не допускаешь, что я говорю правду, да? Не задумалась ни разу – а вдруг моей вины действительно нет?

Не знаю, что ответить. Конечно, я задумывалась. И не хотела, чтобы он или его семья были повинны в нашем разорении. Но факты говорят сами за себя. Особенно после того, как он уничтожил нетронутые саранчой поля, как улику.

Мы продолжаем испепелять друг друга взглядом.

Демьян усиливает хватку. Он наклоняется вдруг и целует прямо в губы!

Несмотря на то, что мы минуту назад обсуждали наш секс,

поцелуя я не ожидала. Инстинктивно упираюсь ладонями в мужскую грудь. Чувствую жар под тканью рубашки и стук сильного сердца.

Демьян делает пару движений за моей спиной, освобождая место на столе. Чтобы легко поднять меня и плюхнуться туда попой.

Он встает между моих ног, раздвигая их чуть шире бедрами.

Паника расходится по телу волнами.

Да, я его сильно любила когда-то и мечтала о подобном. Но сейчас он пользуется своей властью надо мной, проклятым договором. И даже не замечает, как мне от этого плохо. Ему все равно.

Молчим оба.

Пол минуты Горенский просто смотрит на мои губы, будто решая, с чего начать. Потом его рот снова накрывает мой. Это долгий, подавляющий, глубокий поцелуй. Он не спешит, изучает, пробует своё новое приобретение.

Не взирая на чудовищность ситуации, я начинаю испытывать удовольствие от его ласк. Я забываю, кто мы. Забываю про его невесту, про нашу вражду, про договор. Есть только его губы, его язык, его руки, которые теперь скользят по моим бедрам поверх юбки.

Я целую его в ответ, мои пальцы впиваются в ткань его рубашки на плечах. Все внутри замирает, а потом вспыхивает. Я чувствую тепло, которое растекается по низу живота и

становится тяжелым, пульсирующим. Чувствую его возбуждение через тонкую ткань брюк. Мое тело отзывается на его движения.

Он отрывается от моих губ, его поцелуи перемещаются на шею, на ключицу. Одной рукой расстегивает и спускает с плеч мой жакет. Его пальцы находят пуговицы на моей блузке. Расстегивают первую. Вторую.

Прийти в себя мне, как ни странно, помогает бюстгальтер для кормления. Из мягкого хлопка, с отстегивающимися чашечками.

Такое бельё мужчине не показывают, если только он не муж.

Я моментально вспыхиваю при мысли, что Демьян меня сейчас заставит раздеться. Поймет, возможно, что я еще кормлю...

Нет, мне не стыдно. Просто... это слишком личное, куда пускать никого не буду. Я прежде всего мать, а уж потом всё остальное.

Я резко отодвигаюсь, прерывая поцелуй. Одной рукой придерживаю расстегнутую блузку.

– Стой, – выдыхаю.

Горенский замирает. Его губы влажные, дыхание прерывистое. В его глазах – досада, нетерпение, неудовлетворенное желание.

– Что? – его голос низкий, хриплый.

– Я не готовилась к свиданию. И мы еще не подписали

договор. Сейчас мне нужно домой.

Демьян не отстраняется сразу. Смотрит на меня, будто пытается понять, это манипуляция или что-то другое. Потом тяжело вздыхает, и его плечи будто расслабляются.

Он, наконец, отступает на шаг и подает мне руку, помогая прыгнуть на пол.

Возвращается в рабочее кресло и невозмутимо наблюдает, как я застегиваю блузку, жакет. Поправляю юбку.

– Ты хотя бы сожалеешь о том, как поступила два года назад? – вдруг спрашивает.

– Нисколько. А ты?

– А я в чем-то перед тобой виноват? Не припомню.

Глава 8

Я стою у выхода из универа, прислонившись к холодной стене, и плююсь в экран телефона. В голове – до сих пор гул аудитории. Только что сдала историю права, и чувствую себя, как выжатый лимон. Ноги от усталости подгибаются. К завтрашнему зачету, слава богу, я готова. Вот по информатике – хвост, но время до нее еще достаточно.

Вокруг шумят студенты, смеются, кто-то зовет в кафе. У меня в желудке пусто, но есть не хочется. Хочется лечь пластом и не двигаться. И не думать о том, что сегодня ночью опять слышала, как мама плачет за стенкой. И папин усталый шёпот: «Ничего, справимся...» Не справятся. Не справятся без компенсации от Горенских, если я не подпишу чертов

договор.

Поэтому, когда утром на экране телефона всплыло имя Демьяна и короткое «Заеду за тобой в универ. Договор дополнили», я и не подумала отказываться от встречи.

Ровно в пять к тротуару бесшумно подкатывает элегантный блестящий автомобиль. Я делаю глубокий вдох и открываю дверь.

Демьян сам за рулём, и я плюхаюсь рядом на переднее пассажирское. В салоне пахнет чистотой и свежим кофе.

– Думал, нарочно опоздаешь, – он невесело ухмыляется.

– Думала, опять наплюёшь на договоренности и исчезнешь на год-другой.

Пару секунд мы пытаемся испепелить друг друга взглядом. Жаль, что это невозможно, иначе я б уже сожгла Горенского к чертям вместе с его роскошной тачкой.

– Будешь? – он показывает на стаканчик из известной кофейни.

Киваю и вытаскиваю из подставки уже остывший кофе, делаю несколько больших глотков.

Демьян одет в простую чёрную водолазку и голубые джинсы, откинулся на спинку сиденья, поглядывает на меня время от времени оценивающим взглядом. В этой неформальной одежде он выглядит опаснее, чем в деловом костюме. Обманчиво ближе.

А я снова не подготовилась к встрече со своей бывшей любовью должным образом – на мне юбка–шорты и льняной

пиджак, изрядно помятый. Хотя, может, мы просто подпишем сейчас бумаги, и Горенский меня высадит у метро?

Несколько минут едем молча. Я смотрю в окно, чувствуя, как его взгляд скользит по мне. Странное ощущение. Я хочу, чтобы смотрел, мне приятно. И в то же самое время злюсь – он не должен вести себя так, будто между нами не было этих двух лет.

– Хочешь заехать домой переодеться? – наконец спрашивает он.

– Я только с экзамена, после бессонной ночи. У меня нет ни сил, ни настроения для костюмированного представления, уж извини, – огрызаюсь я, не глядя на него. – Если тебя не устраивает мой вид, можешь меня высадить.

– Устраивает вполне. Я все равно тебя раздену. Просто констатирую факт – ты выглядишь, как после бомбежки.

Гад! Между прочим, у Славика лезет очередной зуб, и прошедшая ночь была особенно адовой! И я бы лучше сейчас с малышом побыла, ему я нужнее, чем его папаше!

– Это тебе, Горенский, только за красивую папину фамилию дипломы выдают! Простым смертным вроде меня нужно прилагать усилия...

При этих словах он аж в лице изменился. Задела самое ценное – ЭГО!

Наступает тягостное молчание. Он не отвечает, но резко выкручивает руль и паркуется.

– Выметайся, святая мученица. И разгребай свои пробле-

мы сама.

Хватаю сумку, нервно открываю дверь и вываливаюсь на проезжую часть.

Чувствую удовлетворение, как ни странно. Сама бы я не решилась отказаться от его помощи. Но вышло так, как вышло. Будем, значит, воевать.

Вижу вдалеке остановку и припускаю к ней. Ежусь от налетевшего порыва ветра.

Вдруг кто-то за запястье с силой тянет назад.

Я вскрикиваю от неожиданности и замахиваюсь сумкой, но и вторую мою руку перехватывают.

– Демьян!

Не говоря ни слова, он разворачивается и волочёт меня обратно к своей машине. Она перегородила половину узкой дороги и позади уже собралась небольшая пробка, водители нетерпеливо сигналият.

Горенский открывает пассажирскую дверь, заталкивает меня внутрь.

– Сидеть, – он резкими движениями вытягивает ремень безопасности и пристёгивает меня к креслу. – Молча.

Я ошарашенно наблюдаю, как он обходит машину и устраивается за рулем.

Решаю для себя первой с ним не заговаривать.

Это можно считать уступкой с его стороны? Ведь не отпустил же, догнал, поймал, вернул. Несмотря на то, что обругала.

Когда удается отдышаться, снова беру злосчастный стаканчик и молча пью. Краем глаза замечаю, что Горенский всё еще в бешенстве. И так мне злорадно от этого!

Минут через двадцать машина въезжает на стоянку красивого многоэтажного отеля. Вау.

Видимо, подписанием договора сегодня не ограничится. Демьян берет с заднего сидения пухлую кожаную папку и пиджак. Открывает мою дверь и галантно протягивает руку.

Меня злит то, как он владеет собой. Со стороны и не скажешь даже, что всего несколько минут назад он едва себя переборол, чтобы меня не придушить.

Он сжимает мою ладонь чуть сильнее, чем нужно, и ведет через стеклянные двери в сверкающий холл. Там нам быстро выдают ключ, из чего я делаю вывод, что приезд сюда Горенский планировал заранее. Или он здесь постоянный гость.

Лифт везет нас наверх. В номер люкс, разумеется. Две просторных комнаты с панорамными окнами, за которыми уже зажигаются вечерние огни Москвы. Обхожу апартаменты, восхищенно осматриваясь. Элегантная гостиная с мягким гарнитуром и рабочей зоной, и спальня с огромной кроватью. Пялюсь на нее, и дыхание перехватывает.

Глава 9

– Нравится здесь? – спрашивает Горенский, когда я возвращаюсь в гостиную.

Он повесил пиджак на спинку кресла и теперь расстёгивает ремешок часов на запястье. Завороженно фиксирую каж-

дое его движение.

– Да.

Интересно, долго мы пробудем тут? Я нещадно зеваю, ничего не могу с собой поделать.

– Ты голодная?

Только он это сказал, у меня заурчало в животе. Я со вчерашнего дня не ела.

– Угу.

Мы, не сговариваясь, выбираем рыбу с овощами. Демьян делает заказ.

И переходит, собственно, к тому, для чего мы сюда приехали.

– Взгляни, – он достает из папки уже знакомый мне договор, ручку в футляре, и кладет всё на стол.

Сажусь, беру в руки бумаги, пролистываю.

Горенский добавил пункт о гарантиях для ферм и суммы. Сформулировано всё сухо, юридически безупречно. Все мои хотелки учтены. Его красивая витиеватая подпись уже стоит.

Это должно радовать. Но радости нет. Только ком в горле.

– Если всё верно, подписывай. Деньги поступят на счета до конца недели. Под видом помощи.

– Ну конечно, помощи, – бормочу, беря ручку. Подпись выходит корявой, неровной.

– Теперь, если ты снова озвучишь свои выдумки насчет моих мифических экспериментов, будешь должна сумму, вдвое превышающую эту, — слышу я его голос прямо над

ухом.

Демьян стоит сзади, опершись руками о стол по бокам от кресла. Его дыхание касается моего виска.

У меня мурашки бегут по коже от угрожающего тона, которым он это произнес.

Я резко встаю, слегка задев макушкой его подбородок.

– Что-то мне больше не хочется с тобой ужинать. Пожалуй, поеду.

Горенский выпрямляется во весь свой богатырский рост и замирает, скрестив ручищи на груди:

– Пожалуй, останешься. И перечитай еще раз то, что подписала. На шесть месяцев ты моя.

– Начиная с момента поступления компенсации... ой, то есть помощи... на мой счет.

– Окей.

Он демонстративно достает смартфон, открывает банковское приложение и меньше через минуту мне приходит уведомление.

Смотрю ошарашенно на экран.

Мой счет только что пополнился и на нём теперь столько денег, сколько я за всю свою жизнь еще не видела.

И снова я не испытываю ничего, кроме безысходной обреченности. С фермой родителей теперь все будет хорошо, нам больше не грозит разорение. Равновесие, вроде бы, восстановлено. Но эти полгода унижения я точно не заслужила!

В другой ситуации я бы или расплакалась, или саданула

кулаком в стену. Но сейчас у меня нет ни сил, ни желания что-либо делать вообще.

Потому что это Демьян.

Я не понимаю, зачем он это делает. Боюсь немного того, что будет дальше, потому что мне не ясны его мотивы до конца.

– Мне бы в ванную. Можно? – спрашиваю спокойно, без намека на протест.

Он кивает в сторону одной из дверей.

– Здесь их две. Выбирай.

Я запираюсь в первой попавшейся. Раздеваюсь, включаю воду погорячее и долго стою под струями, пытаюсь смыть с себя тревоги этого дня. В моей душе пустота и усталость во всем теле.

Заворачиваюсь в пушистый, мягкий халат и выхожу.

Одежда Демьяна аккуратно висит на вешалке. У него порядок во всем и всегда, такой он человек.

Из второй ванной доносится шум воды. Пока он не вернулся, быстро засовываю в рот кусочки обалденно вкусной рыбы, заедаю овощным салатом, жмурясь от удовольствия.

В ведерке со льдом – красивая вспотевшая бутылка. Сомневаюсь, что она здесь к месту. А вот сок – то, что мне нужно. Горенский предусмотрительно разлил его в два стакана и свой наполовину опустошил.

Голод отступает, настроение приходит в норму. О том, что между нами здесь сегодня будет я стараюсь пока не думать.

От меня же ничего не зависит.

Беру телефон, чтобы просмотреть входящие, и падаю на королевскую кровать. Простыни белоснежные, накрахмаленные, прохладные. Зарываюсь в них, как в облачко.

На улице уже стемнело, и в окна заглядывает месяц. Веки тяжелеют.

Зависаю на фотках своего пупса, которые наделала вчера во дворе. Листаю, листаю... глаза сами собой закрываются.

Сквозь сон мне кажется, будто рядом проминается матрас. Но никакая сила сейчас не заставит меня очнуться и проверить это. Я проваливаюсь в глубокий сон.

«Трунь!»

Черт! Сколько времени? Неужели, в универ проспала?!

Тру сонные глаза. Навожу резкость и вижу совершенно незнакомый белоснежный потолок с мудрёной лепниной. Мамочки!!!

Воспоминания обрушиваются лавиной, и я не могу удержаться от стога.

Демьян спит, прижавшись животом к моему задку. Я ощущаю его дыхание на своей шее. Он просунул руку под мой халат и ладонью обхватывает грудь.

Которую распирает от молока!!!

Я обо всем на свете забыла! Мне срочно нужно в ванную!

Запасов дома в морозилке хватит сынуле на несколько дней, я не из-за этого переживаю. А злюсь из-за того, что моему рабовладельцу некоторые интимные подробности обо

мне знать ни к чему!

Я выбираюсь из берлоги, сунув телефон в карман халата, и на носочках бегу в ванную комнату. Надо же! Еще немного и устроила бы в постели потоп. Ужас.

Привычный ритуал занимает несколько минут. Пульс постепенно приходит в норму, в голове появляется ясность.

Мы проспали всего несколько часов, время к одиннадцати. Читаю разбудившее меня сообщение, и волосы начинают шевелиться на затылке.

Как это, информатикаматика?! Что значит, завтра?!!!

Нееееет... всё пропало. Я в ней плаваю. И единственное, что спасает меня еще со школьных времен – зубрёжка перед сдачей. Что-то понять – вообще без шансов.

Я бы справилась, в этом нет сомнений. Но мне нужно еще хотя бы денька три.

А их нет, потому что староста перепутал расписание и сбил с панталыку всю нашу группу.

Что сегодня за день такой?! Всё наперекосяк.

Вытираю выступившие слёзы и пишу сообщение своим.

– Полина? – раздается низкий, хриплый со сна голос прямо за дверью. – Куда ты убежала?

Я успеваю запахнуть халат за секунду до того, как на пороге появляется Горенский. Он окидывает меня хмурым взглядом.

– Нужно было домой написать.

– Ты плачешь, что ли? – он с каждой секундой все больше

мрачнеет. – Идём.

Демьян протягивает мне руку. Я послушно вкладываю в нее свою, и мы возвращаемся в спальню.

Он подводит меня к кровати и включает торшер. Щурится, всматриваясь в мое заплаканное лицо.

– Я не буду делать с тобой всё, что перечислено в договоре. Включил в список на тот случай, если вдруг захочется. Но заставлять не буду, не реви.

– Не в этом списке дело. Много всего случилось за последние пару недель. Всё идет не так, как я ни стараюсь.

– Одну твою проблему я решил. Давай и с остальным поступим, чтобы было «так».

Он осторожно гладит меня по щеке. Я обессиленно закрываю глаза, отказываясь в этот момент принимать какие-то решения. Пусть делает со мной, что хочет. Пусть это скорее закончится. До экзамена еще несколько часов, я постараюсь и успею. Не впервой.

Демьян берет в ладонь мой затылок, наклоняется и целует. Мягко прижимает к себе. Мне было бы приятно, если бы не обстоятельства, которые нас привели в эти апартаменты. Чтобы его не злить и не растягивать экзекуцию, я обнимаю его за шею. Всё идет хорошо, пока он не опрокидывает меня на постель и не устраивается сверху.

Я чувствую тяжесть его тела, его желание и нетерпение.

И ничего не могу с собой поделать! Напряжение последних дней вырывается водопадом слёз! Мысли о его невесте

не позволяют расслабиться в его руках! Мы занимаемся любовью, зная, что он несвободен. Зачем он, вообще, о своей скорой женитьбе мне рассказал? Зачем???

И я должна это молча принимать.

Потому что он спас мою ферму. Которую сам же едва не разорил.

Глава 10

Несмотря на моё разбитое состояние, стараюсь Горенскому угодить. Уговор есть уговор. А еще я по нему безумно скучала.

Он вдруг скатывается с меня, садится на постели и ерошит волосы пятерней.

– Я не ожидал от тебя чего-то сверхъестественного, конечно. Но и страдания такие – это перебор. Убиваешься по своему Кириллу? Смирись.

Всё, желание угождать как рукой сняло. Демьян снова ведет себя, как бессердечная скотина. И я не должна им очаровываться.

– Я смирюсь. А тебе придется считаться с моим настроением. В договоре не сказано, что я должна выполнять свою часть, сияя от счастья.

Демьян злится. Вижу это по тому, как сжимаются его кулаки и натягиваются жилы на шее.

Он встает, завязывает пояс халата и молча выходит из спальни.

Я некоторое время сижу, прислушиваясь к его шагам. Он чем-то звякает в гостиной, воду наливает, наверное.

Часы, между тем, тикают. У меня на подготовку остается все меньше времени. Нужно засунуть гордость и обиду поглубже и закончить то, что мы начали. Поскорее.

Вздыхаю обреченно. Я ведь мечтала об этом долгими одинокими ночами. О том, что он вернется, скажет, что разлука была ошибкой, и мы бросимся в объятия друг друга. Мне сейчас нужно всего лишь представить, что так оно и вышло.

Собираюсь с силами, делаю несколько глубоких вдохов и иду в гостиную.

Горенский стоит возле стола, сосредоточенный и суровый. Что-то смотрит на планшете. Замечает меня и говорит, не поднимая глаз:

– Я тебя больше не держу.

Чёрт. Я не справилась с эмоциями и всё провалила. Если сейчас послушаюсь и уеду, могу об этом сильно пожалеть потом.

– Я расстроена не из-за Кирилла. Если ты не возражаешь, я бы не хотела вообще его упоминать, когда мы вместе. И твою будущую жену тоже.

Он отвлекается от чтения и с интересом смотрит на меня:

– Из-за чего тогда? Я же сказал, никакой жести не будет.

Демьян стоит напротив, в паре метров от меня. Высокий, стройный, в одном белоснежном халате на голое тело. Мои мысли путаются. Я уже сама не знаю, чего хочу. Подхожу

медленно и останавливаюсь рядом с ним.

– Из-за экзамена. Он через несколько часов, а я к нему не готова. Староста налажал с расписанием, и я думала, что будет другой предмет...

Брови Горенского ползут вверх:

– Какой хоть предмет, двоечница?

Из моего горла помимо воли вырывается тихое рычание. Хочу вцепиться в эту красивую небритую рожу ногтями. Жаль, они у меня коротко подстрижены, чтобы ребенка не ранить.

– Математика и информационные технологии, – выговариваю сквозь зубы.

Демьян недолго, но очень внимательно смотрит на меня. Хмыкает издевательски.

– Моя тема. И я бы смог, наверное, тебе помочь. Вот только мой диплом, как ты ранее уже сказала...

Он совершенно серьёзен, но я чувствую, что моя безнадежная ситуация его веселит.

– Демьян, прекрати.

– ...с отличием, чтоб ты знала... и не один.

Хоть мы и заклятые враги во втором поколении, я бы приняла его помощь. Потому что Демьян Горенский – гений. У него феноменальные способности запоминать целые пласты материала и гениальный мозг, способный решить самую сложную задачу. Сколько он в юности выиграл Российских и международных олимпиад, даже представить страшно. Гор-

дось страны, ни больше, ни меньше.

И ляпнула я про диплом исключительно затем, чтобы его выбесить. И отомстить за все мои страдания. За то, что оказалась для него не слишком хороша. И еще потому, что самый мой страшный кошмар может быть только впереди. Часто представляю себе такую картину – Горенский узнает, что мой Славик – его сын. И оставляет между нами всё как есть, потому что мы ему не нужны.

– Я сказала о том, что диплом тебе достался исключительно благодаря фамилии, только чтобы позлить!

Горенский умолкает и пару минут будто бы размышляет о чем-то. Я покорно жду.

– Рад, что мы это прояснили.

Горенский делает большой глоток воды, отставляет стакан. И направляется обратно в спальню. А я стою, растерянно моргаю. Ну прояснили, дальше что?

Топаю босиком за ним.

Демьян расположился у изголовья кровати, подсунув пару подушек под спину. Пристально смотрит на меня.

– Показывай, что у тебя там.

Эээ. Я нерешительно развязываю пояс халата и делаю шаг к кровати. Демьян не сводит с меня глаз, в них – пугающий мрак. Вижу, как тяжело вздымается его широкая грудная клетка.

Он невероятно привлекательный, аж дух захватывает. Мой пульс учащается, мысли путаются.

– Твоя голая грудь будет мешать мне сосредоточиться. Если хочешь, чтобы я помог, лучше пока прикройся.

Чёрт. Он имел в виду экзамен. Мои щёки вспыхивают жаром от смущения.

– А чем ты занимаешься в холдинге? Директор по инновациям – это кто? – спрашиваю, чтобы сгладить неловкость, и залезаю к нему на кровать.

– Я разрабатываю и внедряю новые технологии. У нас большая команда – инженеры, агрономы, биотехнологи, агрохимики, спецы по геоинформационным системам...

– Ух ты! То есть, происшествие с саранчой не могло пройти мимо тебя?

На его красивое лицо будто тень находит.

– Не могло, Полина. Поэтому, я сомневаюсь, что оно вообще имело место быть. Так, как ты его описываешь, по крайней мере.

Я делаю над собой усилие, чтобы не продолжать эту опасную, но чрезвычайно интересную тему.

– Так что с экзаменом?

Тянусь и достаю из сумки свой планшет. Открываю конспекты лекций, список вопросов и передаю Горенскому.

– У меня никак всё это не укладывается по полочкам. Заучиваю, но когда наступает момент отвечать – в голове пусто.

Мне стыдно признаваться ему в этом. Всё очевиднее интеллектуальная пропасть между нами. Да, он намного стар-

ше. У него за плечами престижнейший российский вуз и стажировка за границей, а у меня – декрет. И как на зло, я плаваю именно в том, в чём он – специалист. На что я только надеялась два года назад?

Глаза наполняются влагой, я отворачиваюсь, чтобы не заметил. Но он, конечно, замечает не смотря на интимный полумрак.

– Это азы, – чувствую прикосновение к ладони. – При должном старании у нас все получится, я тебя натаскаю. Не сдашь завтра, значит пересдашь в следующий раз. Иди умойся и начнём.

Я, как сомнамбула, послушно иду в ванную, плескаю ледяной водой в лицо. Отражение в зеркале жалкое: распухшие глаза, покрасневший нос. Но внутри паника отступает, сменяясь странным, щемящим чувством. Демьян, вместо того чтобы получить своё по договору, готов возиться со мной, как с нерадивой школьницей. Как-то это уже не походит на месть и наказание.

Ночь получается очень странной. И мне не хочется, чтобы она заканчивалась.

За окном темно. В апартаментах совершенно тихо, будто мы не в центре мегаполиса, а одни посреди бескрайнего дремучего леса. Демьян спокойно растолковывает мне простейшие, с его точки зрения, понятия. А я наслаждаюсь его низким спокойным голосом, впитываю каждое слово. И на удивление, многое становится понятным.

Мы оба нещадно зеваем и под утро заказываем большой огненный кофейник, чтобы не отрубиться. Думаю, что Демьян, наверное, много работает и захотел бы провести эту ночь иначе. И благодарна ему за то, что не упрекает, а старается всё объяснить.

Иногда наши руки случайно соприкасаются, и я вздрагиваю. Так странно сидеть полуголыми в постели и разговаривать о каких-то дурацких цифрах, функциях.

Когда солнце поднимается из-за небоскрёбов а до экзамена остаётся меньше полутора часов, мы быстро завтракаем, одеваемся и выходим.

Я зверски хочу спать, но почти счастлива. Вопросов препода больше не боюсь.

– Спасибо, – говорю ему с чувством, искренне. – Ты – прирождённый педагог. Даже такой безнадёжной двоечнице, как я, смог всё объяснить. Сама от себя в шоке, если честно.

Поцеловать его, что ли, в щёку? Нет, это будет слишком.

Мы выходим из стеклянных дверей. Демьян направляется к парковке, а я останавливаюсь. Мне нужно поскорее к метро.

– Ты не безнадёжная. Много пропустила – это да. Перечитай наш договор и выбери что-нибудь особенно развратное из списка. Это будет твоя благодарность, когда сдашь.

Я мешкаю. Это он серьёзно? Там такие вещи перечислены, о которых мне даже помыслить стыдно!

– Не тормози, время, – он оборачивается и показывает на

часы.

– Я... мне...

– Я тебя докину, давай быстро в машину.

При свете дня мне с ним еще более неловко, чем ночью голышом. Но решаю не спорить.

Мы садимся и пристёгиваемся. Машина выезжает на проспект. Демьян вдруг спрашивает:

– Почему твой Кирилл за всё время так и не признал ребёнка?

Глава 11

Славик быстро уснул, за день наигравшись. Поправляю одеяльце, беру радио няню и спускаюсь вниз.

Неделя прошла с тех пор, как Горенский высадил меня тем утром у универа. Владельцам пострадавших ферм пришла финансовая помощь. Холдинг сделал из этого целую пиар-акцию с освещением в СМИ.

Все в плюсе, и только за мной – долг. Демьян еще не получил своё по договору. Он вообще не появляется с тех пор. А я все больше нервничаю. Неопределенность давит тяжким грузом, не позволяя жить привычной жизнью. Я будто бы не до конца понимаю правила нашей игры.

Он спросил тогда, почему Кирилл не признал сына. Я растерялась. Можно было сказать, что он – не отец. Но я представила, какой распутной стану выглядеть в глазах Горенского, и промолчала. Он же убежден что у нас с соседом были

отношения. Получается, я встречалась с тремя – с ним, с Кириллом и еще с кем-то третьим, от кого родила ребёнка.

Признаться в том, что Славик – его сын, у меня духу не хватило. Всё стало бы в сто раз сложнее между нами. Пока есть надежда что Демьян вволю надо мной поиздевается, воплощая свой список извращений, а потом женится и мы заживём как раньше, порознь. Без взаимных обязательств и претензий. И мой сын не станет предметом делёжки и еще одним поводом для войны наших семей, в которой у меня шансов выиграть нет.

Я накидываю на тонкое льняное платье палантин и иду через двор в свою фермерскую лавку. Это мое убежище, моя отдушина. Здесь пахнет воском, эфирными маслами и сушеными травами.

Щёлкаю выключателем, и мягкий желтый свет лампы заливает полки с банками меда, вязаными салфеточками и шальями, рядами готовых свечей. Здесь тепло и уютно.

Зажигаю горелку, ставлю на нее котелок с воском. Пока он плавится, расставляю на столе стеклянные банки и начинаю раскладывать в них сухоцветы — лаванду, ромашку, лепестки календулы.

За привычной монотонной работой проходит час. Руки

заняты, голова потихоньку освобождается от тревог.

Отставляю залитые баночки в сторону и накрываю их до утра, когда дверь лавки с легким скрипом открывается. Я оборачиваюсь, ожидая увидеть кого угодно, только не ЕГО.

В дверном проеме стоит Горенский.

В том самом спортивном костюме, в котором ловил меня и тащил по кукурузному полю. В нём его спортивная фигура кажется еще внушительней, плечи - шире. На чёрных волосах поблёскивают дождевые капельки. Подбородок и скулы тёмные от щетины. Ему идёт.

Мы молча смотрим друг на друга.

– Я заезжал к своим, – поясняет он, проходя внутрь, – Увидел у тебя свет и решил зайти без приглашения.

Глупо возражать, учитывая, что сама недавно тайком влезла к нему через забор.

– Проходи, – киваю настороженно. – Там дождь?

– Да, усиливается с каждым часом. В течение следующих двух дней по прогнозу – аномальная по силе гроза.

Он заходит, закрывает дверь. Его взгляд скользит по столу с банками и стеллажам. Он медленно прохаживается вдоль полок.

– Ты всё это делаешь сама? – он поднимает брови.

– Не всё. Мёд дед Прохор из села на продажу приносит, у него пасека. Вязаные игрушки и глиняная посуда тоже оттуда. Ещё девчонки варят много видов мыла. Мы принимаем заказы через сайт и рассылаем по всей стране.

Демьян одобрительно кивает. Он слегка удивлён. Мне приятно и чуточку обидно. Думал, я бездельничаю? С чего б мне тогда на заочке учиться, а не на дневном?

Горенский подходит ближе, берет в руки готовую свечу в прозрачной банке, где застыли соцветия лаванды. Крутит ее в руке, рассматривает.

– Красиво.

– Спасибо. Эти уже готовы, я собиралась их запаковать.

Он возвращает свечу на место и смотрит на меня. В его глазах что-то шевелится, какая-то сложная, непонятная мне борьба.

– И за то, что позанимался со мной перед экзаменом – спасибо. Я сдала.

– Обращайся. Но в следующий раз наедине мы будем заниматься тем, чего хочется мне.

Моё лицо вспыхивает, стоит ему это сказать. Не хочу, чтобы видел.

Поспешно щелкаю выключателем, и в лавке становится темнее. Остаётся светить только тусклая лампа при входе.

– И... когда?

– Сейчас.

Ну, конечно. Зачем еще он явился сюда в такой час?

– Я не готова. Я тебя не ждала, – говорю как можно мягче.

– Опять? Ты чуть не плакала в отеле, так не хотела, чтобы я трогал. Я дал тебе время. Недостаточно?

Злится, это по тону понятно.

– Демьян, в отеле я была расстроена не из-за тебя. Я очень боялась, что меня отчислят из-а дурацкой ошибки! Могла спокойно подготовиться, но не успела и... Меня чуть не выгнали уже на втором курсе.

– Знаю.

– Откуда?

Он не отвечает, хмурится. А я боюсь настаивать.

Славик тогда только родился, я долго оклематься после родов не могла из-за большой кровопотери. Напортачила с доками и не оформила как следует академ. Узнала, что я в списках на отчисление и делать что-то поздно. Но неведомое чудо меня спасло. Мало того, что не отчислили, так еще и на бюджет перевели. Я так и не поняла, кому за это нужно сказать «спасибо».

Горенский подходит вдруг вплотную. Так близко, что чувствую тепло. И лёгкий древесно-цитрусовый аромат, очень приятный. От откровенного мужского взгляда становится не по себе.

Не знаю, чего ждать. Грубости? Унижения от того, что он меня купил?

Демьян тянет за край шали и снимает её с меня. Вздрагиваю от прохладного влажного ветерка, который прошёлся по голым рукам и шее.

Я хочу, чтобы он как-то смягчил нашу ситуацию. Чтобы перестала ощущать себя вещь. Можно же сказать девушке, с которой собираешься спать, что-то хорошее? «Ты мне

направишься», например. Хотя что-нибудь!

Закрываю глаза и сосредотачиваюсь на своих ощущениях. Он гладит по щеке, и мне это приятно. Прохладные пальцы опускаются ниже, по шее к ключице. Очерчивают выпирающую косточку и вырез платья.

Шумно вздыхаю, когда он касается груди.

Демьян подхватывает меня за талию и сажает на высокий стол. Достаточно высокий для того, чтобы наши бёдра оказались примерно на одном уровне, несмотря на его внушительный рост.

Вот как всё будет. Быстро, наверное. Без объятий и поцелуев. Мой второй раз, между прочим. Первый и единственный был с ним. Долгая ночь, полная нежности и любви, как мне тогда казалось.

Если скажу, Горенский не поверит.

Поцелуй получается мягким и вкусным. Чувственным и глубоким, до мурашек.

Демьян не делает того, чего я ожидаю.

Всё происходит совершенно иначе...

Глава 12

Горенский обхватывает меня и сажает на стол. Мужские руки сжимают талию – крепко, будто он опасается, что я сорвусь и убегу.

Я слабо пытаюсь держать между нами хоть какую-нибудь дистанцию, упираюсь ладонями в его грудь. Но мой протест

тонет в глубоком, страстном поцелуе.

Я не готовилась к свиданию! На мне старое домашнее платье и простой комплект белья для кормящих мам. Разве я могу быть для него желанной сейчас?

Мужские руки скользят по моим ногам, задирая подол. От каждого прикосновения по коже бегут мурашки.

Я вздрагиваю, когда он касается внутренней стороны бедра. Гладит медленно, будто вспоминает. И я неосознанно раздвигаю ноги шире.

Демьян встает между ними. Ощущаю его возбуждение сквозь ткань спортивных штанов. От этого невольный вздох срывается с губ. Каждая клеточка моего тела реагирует – вспыхивает жаром.

Я не предполагала даже, что спустя много месяцев разлуки, обид и сожалений буду нуждаться в этом человеке так сильно. Пытаюсь это так уж явно не демонстрировать.

Но руки живут своей жизнью – они обнимают, гладят, сжимают, стремясь наверстать упущенное время.

Я целую Демьяна в ответ, забывая про идиотский договор, про накопившуюся злость. Есть только его губы, его запах, его прерывистое, шумное дыхание.

Кожа на бедрах и ягодицах полыхает от его нетерпеливых, грубоватых прикосновений.

Демьян снимает с меня платье через голову и бросает рядом. Он спешит, будто за нами кто-то гонится. Торопится везде меня потрогать и попробовать на вкус.

Точно таким я его и помнила – страстным, решительным, всегда знающим, чего хочет. С этим бесподобным выражением на лице – будто весь мир у его ног.

Целоваться с Горенским – непередаваемое удовольствие, которого я была так долго лишена. Попробовать заменить его кем-то еще? Позволить другому мужчине себя так трогать? Фу, нет!

Я теряю рассудок в его объятиях и готова разрешить ему всё. Но моего мнения никто не будет спрашивать.

Дыхание Горенского резко обрывается, стоит ему посмотреть на мою грудь. Он ведет костяшками пальцев по коже над топом, очерчивая полные холмики. Не удивлюсь, если такое бельё он видит впервые – простенькое, с двойными чашками. Понял, зачем такая сложная конструкция нужна?

Демьян закрывает глаза, будто не хочет больше смотреть. С шумом выдыхает. Я чувствую, как расслабляется его большое тело. Только что он был напряжен, как натянутая струна. Но поняв, что я – кормящая мама, отпускает меня и делает шаг назад.

Скрещиваю руки на груди и наблюдаю молча, как Горенский отходит к окну. Пару минут рассматривает что-то во дворе, тоже молчит. Дышит тяжело, но это уже явно не от желания.

Я в полном смятении. Щеки горят и частит пульс.

В полной тишине раздается стук капель по крыше, усиливается дождь.

– Почему ты пошла в полицию тогда? – вдруг спрашивает Демьян. – Неужели не чувствовала ко мне ничего?

Каков наглец! Чувствовала, еще как! Но его мои переживания не тронули.

Разговоры по душам не входят в наш с Горенским контракт, поэтому могу и не отвечать. Но как хочется всё вывалить! Спрыгиваю на пол, натягиваю платье, поправляю подол и спутавшиеся волосы.

– Все рухнуло в один день, Полина... – он продолжает, оборачиваясь. – Я хочу знать, почему ты так поступила?

Этот вопрос словно удар под дых, вышибает весь воздух из легких. Старая обида накрывает с новой силой.

– Потому что ты меня предал! – голос срывается на крик.

– Глупости.

– Демьян, я все видела! – с криком вырывается отчаяние.

Мне хочется его ударить, наорать, засыпать обвинениями. Но он, словно непробиваемая скала, быстро берет себя в руки. Снова его лицо непроницаемо.

Он смотрит на меня без злости. В его взгляде лишь легкое недоумение, будто я говорю на незнакомом языке. Глупости.

– Что ты могла тогда увидеть?

Я не хочу унижать себя еще больше. Не хочу признаваться в том, как глупо поступила. Летела к нему словно на крыльях, дурочка!

Если бы время можно было отмотать назад? Дали бы мне тогда выбор – знать или не знать? Долго мы были бы с Горен-

ским вместе? Наследник огромного состояния и дочь простых фермеров?

Вряд ли. Наши внезапно вспыхнувшие чувства были обречены с самого начала. С моей стороны. А с его – может, никаких чувств и не было. Уж лучше хвост отрубить сразу, а не по кускам.

– Уже поздно, — говорит Демьян, и его голос вновь становится безэмоциональным, чужим.

– Да. Тебе лучше уйти.

Ему не нравится, что прогоняю.

Хоть мы и на моей территории сейчас, хозяин положения всё же он. Мы оба об этом ни на минуту не забываем.

Горенский направляется к выходу, но оборачивается на пороге и хмуро смотрит на меня:

– В следующий раз я предупрежу заранее. Будь готова ко всему, ясно? Отвечать на мои вопросы. И выполнить свою часть договора.

Чувствую, как всё внутри дрожит.

– Буду.

Его взгляд тяжелеет.

— Про Кирилла не нужно повторять? Чтобы я его рядом с тобой не видел.

Молчу, нервно комкая край платья.

Дверь хлопает, становится очень тихо. Будто Демьяна здесь и не было. Но меня по-прежнему обволакивает его запах. А на губах – вкус его поцелуев.

Смотрю в окно на удаляющуюся фигуру и реву. От злости, несправедливости, бессилия.

Что, вообще, произошло сейчас?

В самом начале, совсем недолго мне казалось, что мы вернулись в прошлое. Была та самая нежность, страсть, потребность друг в друге. Но вот он снимает с меня платье и... всё.

Я же предупредила, что не готова! Но он и слушать не хотел.

Не понравилась? Изменилась очень? Привык спать с моделями, а тут вместо силикона молочная ферма?

Любовница из меня и раньше была – так себе. Теперь и подавно.

Тогда зачем эти дурацкие условия? Зачем он вписал в договор о компенсациях секс со мной? Всё-таки, чтобы унижить?

Есть множество других способов мести. Но спать с женщиной, которая тебе неприятна...

«Будь готова ко всему».

Как далеко Демьян зайдет в желании меня наказать?

Глава 13

Давно в наших краях не случалось таких сильных гроз.

На протяжении всей ночи небо ежесекундно озарялось сильнейшими вспышками. Кажется, я оглохла от раскатов грома и непрерывного шума дождя.

Демьян запретил мне видеться с Кириллом, но этим

утром я послушалась. Молния угодила в ветхое дерево в нашем дворе, и начался пожар.

Чудом огонь не перекинулся на дом, зато сожрал старый амбар.

А утром здесь произошла перестрелка – бывший муж гостившей у меня подруги слетел с катушек и приехал выяснять отношения, вооружившись пистолетом.

В общем, страху мы натерпелись за последние несколько часов...

В моём дворе сейчас не протолкнуться. Скорая, полиция... соседи пришли помогать. А мы со Славиком прячемся тут, у Кирилла, пока он с отцом и братом разгребаёт завалы. Домой до возвращения родителей идти совсем не хочется.

Я стою у окна со Славиком на руках. Мой малыш с восторгом наблюдает, как трактор разбирает то, что осталось от амбара. Это его любимая машина. После экскаватора, разумеется.

– У твоего папы огромный бронированный внедорожник. Когда подрастёшь, я вас познакомлю, и он тебя покатает. Если захочешь, конечно.

Так тоскливо становится. Демьян не появлялся несколько дней и не звонил. И это к лучшему, если вспомнить про его угрозы.

Главное, чтобы никто не узнал про наш с ним договор, иначе со стыда сгорю!

Мужчина из моих мыслей оживает будто по волшебству.

Моргаю несколько раз. Нет, мне не кажется – через двор быстрым шагом сюда идёт Демьян! В элегантном костюме, с зачесанными назад тёмными волосами, он будто бы сошел со страниц глянцевого бизнес-журнала!

Несусь в гостиную, быстро включаю мультики и сажаю сынулю в пушистый плед и подушки напротив большого телевизора.

– Малыш, ты должен подождать меня здесь! Всего пару минут, ладно? Я отделаюсь от злого дяди и прибегу. Нам не нужно, чтобы он тебя сейчас увидел.

В комнату заруливает Мэйн-кун по имени Ван Гог. Это такой жуткого вида кот размером с Колли. Он получил свою кличку еще котенком из-за пострадавшего в драке уха. Очень дружелюбный, обожает детей.

– Ваня, присмотри за Славиком, – прошу, плотно закрывая дверь.

Мы с Горенским появляемся в холле одновременно. Он хмур, предельно сосредоточен. Эмоции как всегда держит внутри, поэтому понять его настрой мне невероятно сложно.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю нервно, прислушиваясь к звукам из гостиной.

Он ничего не отвечает. Только осматривает меня пристально с головы до ног.

– Ты не пострадала?

– Нет, обошлось.

Демьян вдруг делает то, чего я от него в этот момент ни-

как не ожидаю. В пару шагов оказывается рядом и рывком прижимает к себе.

Я ошарашена, пикнуть боюсь. Не знаю, куда свои руки деть. Обнять или оттолкнуть?

В следующий миг Горенский будто в камень превращается – замирает и перестает дышать.

Я оборачиваюсь медленно, уже поняв, что произошло. Из гостиной появляется дурацкий кот, невесть как сумевший открыть запертую на щеколду дверь. А за ним ползком – Славик.

Демьян не сводит с малыша проницательного взгляда, а тот с интересом смотрит на отца точно такими же карими глазами.

С замиранием сердца наблюдаю, как Горенский впервые берёт сына на руки.

– Сколько ему, Полина? Он... мой?

У меня перехватывает дыхание. Горло сжимается. Я открываю рот, но не успеваю издать ни звука.

Дверь в прихожую с треском распаивается, впуская порыв холодного утреннего воздуха. Кирилл. Он застывает на пороге, окидывая взглядом сцену: я, Горенский и Славик у него на руках.

Вот уж кого он не ожидал застать на своей территории!

– Убирайся из моего дома, – его голос низкий, угрожающий.

Он делает шаг внутрь, и его фигура в дверном проеме ка-

жется огромной.

Демьян, не отрывая взгляда от сына, медленно, будто через силу, опускает его на пол. Малыш тут же ползет ко мне, цепляясь за мою ногу. Я машинально поднимаю его, прижимаю к себе, чувствуя, как напряжено его маленькое тело. Ребёнок чувствует сгущающуюся в воздухе опасность.

Демьян выпрямляется и поворачивается к Кириллу. Он предельно серьёзен.

– Не собирался здесь задерживаться, – говорит четко, с ледяной вежливостью, которая пугает меня больше крика. – Полина, идём.

Кирилл зловеще усмехается.

– Откупился? Радуйся, что мы не дали делу ход. Теперь оставь Полю в покое. И не трогай чужих детей.

Он делает резкий шаг вперед, берет Демьяна за плечо, пытаясь развернуть и вытолкнуть в дверь.

Но Горенский будто вырастает в пол. Его рука молниеносно ложится поверх руки Кирилла, пальцы впиваются в запястье. Я вижу, как белеют костяшки.

Воздух в комнате наэлектризован до предела. Мужчины испепеляют друг друга ненавидящими взглядами. Кирилл – понятно почему, он нас со Славиком защищает. А Горенский? Неужели, из ревности злится?

Демьян бросает на меня короткий взгляд – в нем что-то вроде предупреждения, и первым выходит за дверь. Кирилл следует за ним, на ходу сбрасывая с себя мешающую куртку.

Дверь на крыльцо захлопывается.

Я снова подбегаю к окну, отодвигаю занавеску.

Мужчины стоят друг напротив друга, метрах в трех от крыльца. Говорят что-то. Слов не разобрать, только интонации — резкие, рубленые, полные ярости и презрения. Кирилл размашисто жестикулирует. Демьян стоит неподвижно, скрестив руки на груди.

Кирия не выдерживает первым — делает выпад. Он толкает Демьяна в грудь двумя руками. Демьян отшатывается, но не падает. И тут же отвечает коротким жестким ударом под дых.

Я в ужасе жмурюсь, закрывая собой происходящее за окном от Славика.

Кирилл сгибается пополам, и я испытываю его боль, как собственную. Мне дурно.

Мой друг не сдается. Он, все еще согнувшись, бросается вперед, обхватывает Демьяна за талию и валит в мокрую траву. Но Горенский уже через пару секунд оказывается сверху, прижимает Кирилла к земле коленом и заносит руку для удара...

Глава 14

Я не могу дальше смотреть на это, отхожу от окна. Только замечаю боковым зрением, как к дому сбегается народ.

Вдруг Горенский сейчас расскажет про наш с ним кон-

тракт?

Его начнут обвинять в том, что заткнул фермерам рты деньгами. И он не сдержится и выдаст правду. Что и не думал раскаиваться. Что не признает свою вину и что его адвокаты раскатали бы любые наши претензии на раз-два.

Вот она, правда – он получил меня взамен на помощь фермерам, а вовсе не откупился от правосудия.

Потасовка во дворе продолжается недолго. Вскоре взмыленные, перепачканные грязью мужчины возвращаются в дом. Кирилл с братом поднимаются наверх, минуя гостиную. А дядя Толя с Демьяном заходят в гостиную.

Осматриваю Горенского с головы до ног. Пиджака уже нет, белая рубашка вся в бурых потеках липнет к телу. Губа разбита, на подбородке и виске кровь. В глазах всё еще плещется ярость, он взвинчен.

– Поленька, пока родители твои не вернулись, тебе лучше уехать с Демьяном, – вдруг заключает дядя Толя.

Я непонимающе перевожу взгляд с одного мужчины на другого.

Хозяин подходит к платяному шкафу и достаёт оттуда темную футболку непонятного цвета:

- На вот, Дёма, кровь смой, переоденься и поезжайте. Столько всего за ночь и утро случилось... Не знаю, что там за дела у вас двоих, но о ребенке думайте в первую очередь, ясно?

Горенский хмуро кивает и выходит. Славик начинает вер-

теться у меня на руках волчком – изнывает от любопытства. Станный чужой дядя его заинтриговал.

Пока Демьян приводит себя в порядок, я таращусь на соседа, не моргая.

– Что ты смотришь своими глазами? Они же на одно лицо, отец и сын! Слепым надо быть, чтобы не понять, от кого ты его родила.

Ну отлично. Тайна рождения Славика – секрет Полишинеля, оказывается.

Я послушно собираю детские вещи в сумку, с которой мы сюда с утра пришли. Потому что ясно как день – разъяренному Демьяну сейчас лучше не перечить.

Он возвращается в гостиную, берет наши вещи, кивает дяде Толе и указывает мне на дверь. Всё молча.

Не представляю, что творится сейчас в его голове. Я понимала, что он рано или поздно узнает о ребенке, но не при таких обстоятельствах! Не так!

Прощаюсь с соседом и выхожу вслед за Демьяном во двор. Послушно плетусь к машине, припаркованной за воротами.

Растерянно наблюдаю, как Горенский убирает сумку в багажник своего внедорожника.

– Демьян. Как мы поедem? У тебя нет детского кресла.

– Сходи за ним, – он бросает на меня хмурый взгляд. – Дай его мне.

Когда он тянется к сыну, я мешкаю. Руки никак не хотят разжиматься. Ну не могу я оставить ребенка с чужим чело-

веком! В голове мелькают тревожные картинки – как я возвращаюсь с креслом, а машины на прежнем месте нет. Мне вдруг становится так страшно!

– Я лучше с ним.

Демьян чуть ли не силой забирает у меня малыша. Я отдаю, понимая, что противопоставить мне ему нечего. Он, вроде, не делает ничего плохого. Просто подержит сына пару минут. Но не могу совладать с поднимающейся волной паники.

Я ведь даже не знаю, нужен ли ему внебрачный ребенок? О чем он сейчас думает? Какие у него намерения?

Славик, в отличие от меня, не возражает против нового знакомого. Он изучает Горенского с любопытством. Трогает тёмный от щетины подбородок и лепечет что-то на своём малышом языке. Такой крошечный и беззащитный в руках этого большого сурового мужчины.

Эти двое, действительно, необычайно похожи. Любой посторонний человек, увидев их, сразу заметит родство.

Демьян вдруг улыбается впервые за сегодняшнее утро. Обнимает и пристально рассматривает своего ребенка.

И я решаюсь.

Торопливо иду к своим воротам, не слушающимися пальцами отворяю калитку и срываюсь на бег. Хватаю кресло из своей букашки и несусь с ним назад.

И застаю чудную картину. Горенский сидит в водительском кресле с сыном на руках. Славик с восторгом исследу-

ет приборную панель с огоньками, щупает руль. Глаза горят, ребенок всем доволен.

Я подхожу к машине, открываю пассажирскую дверь сзади и устанавливаю кресло.

– Поехали покатаемся? – спрашивает Демьян у сына, полностью игнорируя моё присутствие.

Он выходит, устраивает Славика, надежно пристёгивает его ремнями и возвращается за руль, даже не взглянув на меня.

Спросить бы, куда он нас везёт. Но не хочу его злить еще больше.

Как бы мы с Горенским не относились друг к другу, уверена – для Славика он не опасен.

Тот эпизод из прошлого, при воспоминании о котором у меня стынет кровь, не дает покоя и порождает множество страхов и сомнений.

Но я стараюсь вспоминать только хорошее – как этот мужчина спас мне жизнь, вытащив из воды. Как он заботился, красиво ухаживал и баловал меня в тот короткий месяц, что мы были вместе. И с какой нежностью занимался любовью, будто действительно любил.

У меня в голове его образ вновь раздваивается. Я не понимаю – где тот Демьян, которого я когда-то втрескалась без памяти. А где хладнокровный монстр, способный голыми руками лишить жизни невинного человека и уничтожить десятки фермерств, разорив множество людей...

Могут обе эти ипостаси существовать в одном человеке?
В отце моего ребенка?

Глава 15

Мы подъезжаем к величественному зданию. Этот элитный жилой комплекс, стилизованный под сталинскую высотку – не для простых смертных. Здесь обитают богатые и знаменитые.

Славик глазеет по сторонам, крепко обхватив отца за шею. Поразительно, как просто он проникся доверием к «чужому» дяде. Если бы мой малыш испугался Горенского и зарыдал, я бы уперлась руками и ногами, но не села бы в его машину. Но вопреки здравому смыслу первое впечатление обоих друг о друге оказалось, мягко говоря, положительным.

Лифт быстро поднимает нас на верхний этаж, двери открываются прямо в апартаментах.

Осматриваюсь и отмечаю, что здесь немного изменилось за прошедшие два года. Интерьер не вульгарный, он не кричит о баснословных капиталах своего владельца. Но в том, что каждая элегантно и обманчиво простая мелочь здесь стоит как чугунный мост, у меня сомнений нет.

Теперь я ничему не удивляюсь. Но также, как и в прошлый раз, ощущаю себя убогой нищенкой среди всей этой роскоши.

Тогда Демьян впервые привёз меня к себе.

Я летела, влюблённая, словно мотылёк на огонь. Мы целый месяц не расставались и всё шло к постели. Сомнений не было, с кем решиться на это в первый раз. Для меня других мужчин и не существовало!

Демьян ухаживал за мной, заботился и оберегал, как настоящую принцессу. Казалось, что мы созданы друг для друга и это навсегда.

Все два года разлуки я старалась гнать воспоминания о нашей единственной ночи, такую адскую боль они приносили. Не укладывалось в голове, что это не повториться. И что любимый оказался не тем, кем я его считала.

Но всё рухнуло одним кошмарным днём...

И вот мы снова здесь, но теперь уже с сыном.

Я машинально подмечаю вещи, потенциально опасные для активного, любопытного ребенка – острые углы и довольно крутую лестницу на верхний уровень, по которой Славик обязательно полезет.

Демьян подходит к панорамному окну и показывает малышу вид на залитый дождём город.

– Видел когда-нибудь такое? – спрашивает, улыбаясь. – Нет?

Налюбовавшись пейзажем, они идут на экскурсию по апартаментам. Чувствую себя лишней, потому что эти двое обо мне напрочь забыли.

Надолго мы здесь?

Чувствую, если спрошу, Горенский ответит: «Можешь

уехать в любой момент». Он поглощён общением с сыном, и я отошла у него на десятый план.

Оставшись в одиночестве, начинаю разбирать сумку. В ней документы, деньги, детской и моей одежды по минимуму. Ночью второпях собирала, когда начался пожар. Пригодилось, всё же.

Пока Демьян со Славиком бродят по второму этажу, решаю освежиться быстренько и сменить джинсы на лосины и просторную футболку. Ванная комната тут размером с гостиную у нас дома, в ней всё осталось по-прежнему. Стоит мне туда зайти, вспыхивают флешбэки.

Совершенно голый Горенский во всём своём мужественном великолепии, и я в его руках. Мы принимали ванну вместе, валялись в обнимку в пене часа три. Строили планы на совместное будущее и занимались любовью.

Каждое воспоминание – острее ножа вспарывает нутро. Душа обливается кровью, как представляю здесь другую женщину с Демьяном.

Встряхиваю головой и говорю своему отражению в зеркале:

– Горенский – подлец. У него нет сердца. Чужая жизнь для таких, как он, не значит ничего. Единственные люди, благополучие которых его волнует – это семья. И Славик будет в безопасности, если станет ее частью.

Наши отцы друг друга не выносят с юности. Надеяться на то, что ради общего ребенка кто-то сделает шаг к примире-

нию, не приходится.

Нахожу Горенского на полу в гостиной.

Они со Славиком устроились на пушистом ковре и играют теннисными мячами. Ракетка в чехле валяется рядом. Малыш хохочет и визжит от восторга. Новоявленный отец не сводит с него глаз.

– Да, отлично, – кивает Демьян невидимому собеседнику, ловя откатившийся мяч. В левой руке у него телефон. – Нет, Игорь Иванович, не два, а двадцать семь. Точную сумму по каждому полю... – он завершает звонок и откладывает трубку, не прерывая игру, и снова катит мяч.

Я наблюдаю за этой сценой, и у меня сводит желудок. Это сюрреалистично. Демьян Горенский, человек холодный и мало эмоциональный, сидит на полу и играет в мячик с ребенком. И делает это с явным удовольствием.

– Полина, – он зовет меня, даже не оборачиваясь. – Составь список. Все, что нужно ему. Одежда, игрушки... мыло детское какое-нибудь. Нужно заказать.

– У него все есть дома, – машинально отвечаю.

– Теперь его дом здесь, – сообщает он ровным тоном, снова набирая номер. – Список. Бумага и ручка на консоли.

Я подчиняюсь. Перечисляю только самое необходимое, что нам понадобится в ближайшие несколько дней. Протягиваю лист Демьяну и сажусь напротив них в кресло.

– Что он ест? Помимо... – он показывает взглядом на мою грудь.

– Супы, овощные пюре, каши, творог...

– Скоро обед? – он смотрит на часы. – Позавтракать успели же?

– Да.

Он снова берет в руки телефон и дает распоряжения сотрудникам. Как я поняла, повару Евгению и домработнице Маргарите Сергеевне.

Поверить не могу, что кто-то вместо меня будет готовить моему ребенку еду и покупать подгузники.

Через пол часа на кухне появляется мужчина лет тридцати в безупречно белом кителе – тот самый повар Евгений. Он несет несколько огромных сумок. Демьян встречает его со Славиком на руках, эти двое теперь неразлучны. Коротко кивает в сторону кухни:

– Знакомься, Жень. Это мой сын Ярослав. Полина Петровна, его мама, ответит на все твои вопросы по новому меню.

– Рад знакомству, – отвечает усатый улыбчивый Жень, выкладывая продукты на кухонный остров. – Уверен, у меня получится вам угодить.

Повар, действительно, оказывается волшебником. У него получается всё очень вкусно. Мы обедаем втроем, в спокойной семейной обстановке. После играем с сыном, пока папа занят делами в кабинете. Раскладываем привезенные покупки. Так же мирно ужинаем.

Демьян молчит и без особой надобности даже не смотрит

в мою сторону. Но у него внутри еще с утра кипит огненная лава, он словно дремлющий вулкан.

Чем ближе ночь, тем мне тревожнее...

Глава 16

За окном темнеет. В панорамных стеклах отражается гостиная, а за ними, внизу, постепенно зажигаются огни Москвы. Смотреть с высоты немного страшно, но красиво.

Я сижу на краю дивана и смотрю на пламя в камине. Полное ощущение, что я здесь лишняя, никак не могу найти себе места. Тошно еще и от того, что пришлось обмануть родителей. Сказала, что мы погостим у Миллеров. Потому что навалить на них еще одну внезапно возникшую проблему духу не хватило.

Мы с Горенским взрослые люди, разберемся как-нибудь.

Славик возится на ковре с новыми игрушками – за сегодня их набралась целая гора. А я все никак не привыкну к тому, как быстро и основательно Демьян встраивает ребенка в свою жизнь.

Маргарита Сергеевна, домработница, которая появляется в комнате бесшумно, будто она здесь не ходит, а парит над полом, приготовила для нас спальню. Гостевую, сказала она, но я подозреваю, что гостей здесь никогда не было – слишком стерильно, слишком пусто.

Туда сегодня днем занесли детский диванчик. Игрушки, которые Демьян заказывал по телефону, уже расставлены на низком стеллаже. Подгузники, кремы, присыпки — все ле-

жит на полочках в ванной комнате, примыкающей к спальне, будто здесь всегда так было.

Я зашла туда вечером и замерла. Детская. В пентхаусе Демьяна Горенского. Обустроенная за один день, пока я бес толково бродила по гостиной и не знала, куда себя деть.

Меня пробирает дрожь, когда я об этом думаю. Внутри все сжимается от того, как единолично он все решает. Ему не интересно, хочу ли я здесь находиться. Он просто берет и делает. И я не понимаю, как к этому относиться. Это забота? Или контроль? Или способ показать, что малышу здесь будет лучше, а значит, у меня нет аргументов немедленно забрать его и вернуться на ферму?

Славик не разделяет моих тревог. Ему здесь все нравится – новые красивые игрушки, новые доброжелательные люди, новые звуки за огромными окнами. Он не понимает, что происходит.

– Полина, ванна готова, – Маргарита Сергеевна появляется в дверях. – Я подготовила все для купания. Вода теплая.

– Спасибо, – говорю я, беру Славика на руки и иду за ней.

Эта ванная комната меньше, но по комфорту и красоте не уступает хозяйской. Здесь есть окно во всю стену, мраморный пол с подогревом, который я чувствую даже через тапки, и огромная раковина, в которую можно было бы искупать троих таких, как Славик.

Для него поставили отдельную детскую ванночку – новую, еще с наклейкой от магазина на боку. Вода набрана, пуши-

стое полотенце с капюшончиком в виде медвежонка лежит рядом, на полке стоят бутылочки с детским шампунем.

Я раздеваю Славика, осторожно опускаю в воду. Он визжит от восторга, хлопает ладошками, брызги летят во все стороны, попадают на зеркало, на мрамор, на меня. Я смеюсь, вытираю лицо рукой и только тут замечаю, что в дверях кто-то стоит.

Демьян.

Он прислонился плечом к косяку, руки скрещены на груди, и молча наблюдает. Не за мной — за сыном. Его лицо непривычно спокойное, даже мягкое, без этого вечного напряжения. Он смотрит, как малыш плещется, и в его глазах появляется что-то, чего давно не видела. Нежность.

Славик замечает его и радостно тянет мокрые ручки в сторону двери, зовет.

Демьян отлипает от косяка, подходит и садится на корточках рядом с ванночкой. Нам двоим здесь тесновато. Трогает воду, улыбается.

– Нравится купаться, Слав? – спрашивает тихо.

Славик в ответ снова окатывает его водой. Демьян вздрагивает, вытирает капли со щеки и смотрит на сына так... я отворачиваюсь, потому что от этого взгляда внутри все переворачивается. Слишком похоже на то, о чем я мечтала два года назад. На настоящую семью.

После купания я заворачиваю Славика в полотенце, несу в спальню. Демьян идет следом, садится на край кровати, пока

я надеваю на сына пижаму. Он пытается помочь — подает мне крем, держит Славика за руку, пока я застегиваю кнопки.

Получается неуклюже, но он старается, и от этого зрелища у меня начинает щипать в носу. Я мечтала, что кто-то еще будет любить моего ребенка так же сильно, как я. Но что это будет его настоящий отец уже и не надеялась. Слишком всё сложно.

Славик, уставший за этот бесконечный день, засыпает почти мгновенно, едва голова касается подушки. Я поправляю одеяльце, проверяю бортик кровати. Демьян садится на кровать и наблюдает. Минуту. Две. Пять.

Встаёт и молча выходит, оставляя нас одних.

Я опускаюсь на свою кровать поверх одеяла и долго лежу, прислушиваясь к звукам. В голове пустота, в теле — тяжелая усталость, от которой не получается избавиться. Закрываю глаза и проваливаюсь в сон, даже не успев подумать о том, что будет завтра.

Просыпаюсь оттого, что мир плывет. Меня куда-то несут. Сильные руки — под спиной, под коленями, я прижата к чему-то теплomu и твердому. Открываю глаза, пытаюсь сориентироваться. Темнота, мелькают очертания стен, лунный свет пробивается сквозь шторы.

– Демьян?

– Тсс, – его шепот у самого уха, низкий, вибрирующий.

Я окончательно просыпаюсь, когда понимаю, куда он меня

несет. В свою спальню. Ту самую, с огромной кроватью, где два года назад...

Он опускает меня на простыни. Сам нависает сверху, опираясь на локти по бокам от моей головы. Полураздетый и влажный после душа, на нем ничего кроме тонких домашних штанов.

– Ты должна мне ответы, Полина, – говорит тихо. – И кое-что еще.

За окном темнеет. В панорамных стеклах отражается гостиная, а за ними, внизу, постепенно зажигаются огни Москвы. Смотреть с высоты немного страшно, но красиво.

Я сижу на краю дивана и смотрю на пламя в камине. Полное ощущение, что я здесь лишняя, никак не могу найти себе места. Тошно еще и от того, что пришлось обмануть родителей. Сказала, что мы погостим у Миллеров. Потому что навалить на них еще одну внезапно возникшую проблему духу не хватило.

Мы с Горенским взрослые люди, разберемся как-нибудь.

Славик возится на ковре с новыми игрушками – за сегодня их набралась целая гора. А я все никак не привыкну к тому, как быстро и основательно Демьян встраивает ребенка в свою жизнь.

Марьяна Сергеевна, домработница, которая появляется в комнате бесшумно, будто она здесь не ходит, а парит над полом, приготовила для нас спальню. Гостевую, сказала она, но

я подозреваю, что гостей здесь никогда не было – слишком стерильно, слишком пусто. Туда сегодня днем занесли детский диванчик. Игрушки, которые Демьян заказывал по телефону, уже расставлены на низком стеллаже. Подгузники, кремы, присыпки — все лежит на полочках в ванной комнате, примыкающей к спальне, будто здесь всегда так было.

Я зашла туда вечером и замерла. Детская. В пентхаусе Демьяна Горенского. Обустроенная за один день, пока я бес толково бродила по гостиной и не знала, куда себя деть.

Меня пробирает дрожь, когда я об этом думаю. Внутри все сжимается от того, как единолично он все решает. Ему не интересно, хочу ли я здесь находиться. Он просто берет и делает. И я не понимаю, как к этому относиться. Это забота? Или контроль? Или способ показать, что малышу здесь будет лучше, а значит, у меня нет аргументов немедленно забрать его и вернуться на ферму?

Славик не разделяет моих тревог. Ему здесь все нравится – новые красивые игрушки, новые доброжелательные люди, новые звуки за огромными окнами. Он не понимает, что происходит.

– Полина, ванна готова, – Маргарита Сергеевна появляется в дверях. – Я подготовила все для купания. Вода теплая.

– Спасибо, – говорю я, беру Славика на руки и иду за ней.

Эта ванная комната меньше, но по комфорту и красоте не уступает хозяйской. Здесь есть окно во всю стену, мраморный пол с подогревом, который я чувствую даже через тап-

ки, и огромная раковина, в которую можно было бы искупать троих таких, как Славик. Для него поставили отдельную детскую ванночку – новую, еще с наклейкой от магазина на боку. Вода набрана, пушистое полотенце с капюшончиком в виде медвежонка лежит рядом, на полке стоят бутылочки с детским шампунем.

Я раздеваю Славика, осторожно опускаю в воду. Он визжит от восторга, хлопает ладошками, брызги летят во все стороны, попадают на зеркало, на мрамор, на меня. Я смеюсь, вытираю лицо рукой и только тут замечаю, что в дверях кто-то стоит.

Демьян.

Он прислонился плечом к косяку, руки скрещены на груди, и молча наблюдает. Не за мной — за сыном. Его лицо непривычно спокойное, даже мягкое, без этого вечного напряжения. Он смотрит, как малыш плещется, и в его глазах появляется что-то, чего давно не видела. Нежность.

Славик замечает его и радостно тянет мокрые ручки в сторону двери, зовет.

Демьян отлипает от косяка, подходит и садится на корточки рядом с ванночкой. Нам двоим здесь тесновато. Трогает воду, улыбается.

– Нравится купаться, Слав? – спрашивает тихо.

Славик в ответ снова окатывает его водой. Демьян вздрагивает, вытирает капли со щеки и смотрит на сына так... я отворачиваюсь, потому что от этого взгляда внутри все пе-

реворачивается. Слишком похоже на то, о чем я мечтала два года назад. На настоящую семью.

После купания я заворачиваю Славика в полотенце, несу в спальню. Демьян идет следом, садится на край кровати, пока я надеваю на сына пижаму. Он пытается помочь — подает мне крем, держит Славика за руку, пока я застегиваю кнопки. Получается неуклюже, но он старается, и от этого зрелища у меня начинает щипать в носу. Я мечтала, что кто-то еще будет любить моего ребенка так же сильно, как я. Но что это будет его настоящий отец уже и не надеялась. Слишком всё сложно.

Славик, уставший за этот бесконечный день, засыпает почти мгновенно, едва голова касается подушки. Я поправляю одеяльце, проверяю бортик кровати. Демьян садится на кровать и наблюдает. Минуту. Две. Пять.

Встаёт и молча выходит, оставляя нас одних.

Я опускаюсь на свою кровать поверх одеяла и долго лежу, прислушиваясь к звукам. В голове пустота, в теле — тяжелая усталость, от которой не получается избавиться. Закрываю глаза и проваливаюсь в сон, даже не успев подумать о том, что будет завтра.

Просыпаюсь оттого, что мир плывет. Меня куда-то несут. Сильные руки — под спиной, под коленями, я прижата к чему-то теплomu и твердому. Открываю глаза, пытаюсь сориентироваться. Темнота, мелькают очертания стен, лунный свет пробивается сквозь шторы.

– Демьян?

– Тсс, – его шепот у самого уха, низкий, вибрирующий.

Я окончательно просыпаюсь, когда понимаю, куда он меня несет. В свою спальню. Ту самую, с огромной кроватью, где два года назад...

Он опускает меня на простыни. Сам нависает сверху, опираясь на локти по бокам от моей головы. Полураздетый и влажный после душа, на нем ничего кроме тонких домашних штанов.

– Ты должна мне ответы, Полина, – говорит тихо. – И кое-что еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.